

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ПОПАДАЮЩИЕ

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

18+

КАЛИТКА ВО ВСЕЛЕННУЮ

ПИРАТСКОЕ ЗОЛОТО

Юрий Юрьевич Кузнецов

Калитка во Вселенную.

Пиратское золото

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63423486

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-99703-5

Аннотация

В середине бурных девяностых Георгий Ларионцев, рядовой охранник нувориша, внезапно попадает в круговерть событий, круто меняющих его жизнь. Вчерашнее унылое существование внезапно сменяется целой круговертью событий: встречей с пиратами-каперами в начале восемнадцатого века, потом схваткой с бандитами в Москве девяносто пятого года. А виной всему открытие некоего профессора, узнавшего секрет открытия проходов в параллельные миры, назвав их «калитками». Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	35
Глава 4	62
Глава 5	74
Глава 6	86
Глава 7	106
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Юрий Кузнецов
Калитка во Вселенную.
Пиратское золото

Совпадения имен, географических названий и событий случайны, и не имеют отношения к реальной жизни.

Глава 1

Георгий Ларионцев поднялся по ступеням полуподвала «сталинки» в котором находился спортзал и сразу окунулся в промозглость ноябрьского московского дня.

– Неплохо размялся – подумал он. Жорино тело после хорошей тренировки всегда наполняла приятная усталость, какая обычно появляется от качественно выполненной работы.

Он ходил тренироваться именно сюда по нескольким причинам:

Во-первых – этот зал находился совсем рядом с его домом у метро "Октябрьское Поле". Ну не совсем, честно говоря – его домом, а с домом, в котором он снимал «однушку», но тем не менее – рядом.

Во-вторых – неплохо оборудованный различными тренажёрами спортзал обходился ему очень бюджетно, поскольку был не общедоступным коммерческим спортпредприятием, а тренировочной базой для охранников банка. А в этом банке Жора отработал когда-то на инкассации без малости два года – ну и успел наладить соответствующие связи.

В-третьих – инструктором тут работал отличный парень Анатолий Кузнецов, в прошлом – офицер-спецназовец и отличный «рукопашник». Как и Георгий, он тоже повоевал в Афганистане, где и был тяжело ранен. В госпитале ему удалили одно лёгкое и "...кое-какой прочий ливер по мело-

чам" – как с легким чёрным юмором говорил о себе Толик. Это поставило крест на его военной карьере, а последующие пертурбации в Вооружённых Силах и вовсе убили в нём желание иметь с армией дело. По крайней мере в её нынешнем виде.

Уйдя в отставку по ранению и инвалидности, Кузнецов сразу отказался от заманчивых предложений нескольких крайне подозрительных криминальных «купцов». Как Жоре рассказывал впоследствии сам Анатолий – пришлось усиленно соображать как и на что жить дальше, ибо пенсия была мизерной. Однако ничего путного в голову не приходило, навыки для мирной жизни практически отсутствовали – уж больно специфическими были предыдущие занятия. Потихоньку стала развиваться депрессия, и когда совсем уж было загрузил Анатолий, тут слава богу – помогли старые армейские связи. В итоге он устроился – от греха подальше, а к деньгам поближе – в службу безопасности солидного банка, куда его и порекомендовал бывший сослуживец.

С Ларионцевым они сошлись буквально с первых занятий, на которых Кузнецов обучал банковских охранников действиям при возможном нападении, и, со временем, дружба эта лишь окрепла. Им было, при случае, о чём посидеть и что вспомнить, так что Анатолий Жоре всегда был рад.

Работы, так уж внавал, у Кузнецова не было, поскольку обязательные занятия были нечасты, добровольно же "на физкультуру", как называли это сами охранники, ходили

единицы. Регулярные рядовые инструктажи Анатолий свалил на плечи «старших» смен, которым это даже нравилось, и они с удовольствием гоняли «пехоту» в хвост и в гриву, отвлекая инструктора лишь на зачёты.

Благодаря этой дружбе, даже после увольнения из банка, полтора-два десятка часов занятий в месяц обходились Георгию очень недорого – то в бутылку-другую хорошего импортного пойла, то в пару пачек отличного трубочного табака, или несколько дорогих сигар.

К табачным деликатесам и трубке Толик пристрастился после удаления своего лёгкого, поскольку затягиваться дымом при использовании именно этой фигни, как известно, не требуется, и медицина к такому курению относится более-менее лояльно, хотя полностью и не одобряет. Жора же не курил вообще, к тому же что-то периодически доставалось ему вообще халявно в виде презентов, и приобретать эти дары в магазине иной раз просто не было необходимости. Когда всё же что-то покупать приходилось, то это было вполне Георгию по средствам, ну а советы Анатолия на тренировках иной раз были вообще бесценны.

Дело в том, что рукопашный бой "по Кузнецову" представлял собой весьма пёструю, но чрезвычайно эффективную смесь из арсеналов чуть ли не всех земных видов боевых искусств, включая всякую экзотику типа израильской «крав-мага», французского «савата», славяно-горицкой борьбы и даже бразильской "капоэйры".

Георгий иногда просто диву давался, сколько хитрых телодвижений придумали люди, чтоб обездвижить, искалечить или даже убить своего оппонента.

– Жора, не рви понапрасну задницу и не стремись объять необъятное – поучал его Анатолий. – Тебе не на Олимпийских играх выступать, и не на чемпионате мира по боевым искусствам, поэтому выбери себе пару-тройку «коронков» и четыре-пять «полукоронков». Отшлифуй первые и более-менее закрепи вторые – тебе до изжоги хватит в скоротечных уличных, или аналогичных им стычках. Ну а времени изучить твои слабые места у противников не будет. Как говорится – лучше повторить три упражнения тысячу раз, чем тысячу упражнений по три раза.

Жора так и поступил – выбрав из богатого кузнецовского арсенала несколько приёмов, наиболее подходящие ему как для защиты, так и для нападения, он упорно шлифовал их на тренировках, добиваясь максимального автоматизма.

Итак, у Жоры наметились «длинные» выходные, поскольку аж двое суток дежурства подряд были отработаны честно, а "охраняемое лицо" с ближним кругом, в который Ларионцев, слава богу, не входил, отбывали с семейством за кордон на неделю минимум, а может – и более. Посему начальник смены легко отпустил его на отдых на ближайшую неделю точно, а так вообще-то – до команды на казённый пейджер. Собственно, на этих условиях Жора и согласился отработать две смены подряд, подменяя то ли заболевшего, то ли отпро-

сившегося сотрудника.

Впрочем, пейджер он отключил немедленно, как только, сдав смену, уселся в салоне служебного микроавтобуса, который челноком подвозил отработавший своё персонал от места работы – загородного дома на Рублёвском шоссе – до метро «Молодёжная», и обратно. Обесточил он окающий приборчик еще и потому, что в славном городе Ржеве, куда собирался отбыть Жора вскоре после посещения спортзала, пейджер все равно не работал. Да и вообще – ну его, заразу.

Этот служебный пейджер Ларионцев тихо ненавидел, его попискивание и вибрация всегда означали что-то экстренное и неприятное, связанное с нелюбимой работой. А не любил Жора даже не столько работу, сколько охраняемый «объект», или точнее – "охраняемое лицо". Этим лицом являлся не отягощённый интеллектом и воспитанием то ли еврейский армянин, то ли армянский еврей Рафик Даватян. Непонятно как (а вернее наоборот – всем понятно), едва наступили мутные времена, быстро сколотившего довольно солидное состояние.

Капризный и хамоватый, маниакально трусливый, он не блистал особым умом или какими другими деловыми качествами, но хитрозадый был невероятно.

В том, что свои деньги Рафик нахапал путями несправедливыми ни у самого Ларионцева, ни у прочих Жориных коллег сомнений не было ни малейших. Да и лютый страх, практически паранойя, терзающий прохиндея Рафика все послед-

нее время, служил этому лучшим доказательством. Череду громких заказных убийств бизнесменов, банкиров, криминальных авторитетов и даже пары депутатов, потрясших за последнее время столицу, скорее всего и послужила главной причиной для столь стремительного отъезда Даватяна за границу. Причём – место назначения не афишировалось.

А вот в Ржев влекла Георгия суровая необходимость выполнить наконец обещание, данное родной тётке Елене Станиславовне ещё в конце лета – поправить ей забор, крышу, и починить ещё что-то по дому. В общем, у нее уже накопился целый список всякого рода заданий персонально для Жоры. Два года назад схоронила она своего супруга, полковника в отставке, довольно неплохого человека что называется – "по жизни" – и дом остался без хозяйской мужской руки. У Георгия был с дядькой как ныне говорится – полный консенсус, и они любили при случае посидеть за чаркой, обсуждая извечные российские проблемы, хоть и бывало это реже, чем хотелось бы. Однако сердце кадрового вояки не выдержало вихря перемен, стремительного развала всего во что он верил, чем привык гордиться, и он умер внезапно и тихо – во сне.

Вот с той поры, схоронив любимого мужа, тётка постоянно старалась всеми правдами и неправдами затащить в гости не менее нежно любимого племянника. Со своими детьми у них в своё время не сложилось, и когда болезнь забрала ее старшую сестру, Жорину матушку, все свои нерастраченные

материнские чувства Елена Станиславовна обратила на племянника. Жора же, впрочем, в свою очередь тётку тоже любил, называл её "мама Лена", и приезжал в Ржев при первой возможности. Он это делал особенно охотно ещё при жизни её супруга, Алексея Николаевича, или просто дяди Лёши. Ибо именно тогда, благодаря дядькиным знакомствам, у Георгия появлялась возможность удовлетворить свою страсть, и выбраться в надлежащий сезон на охоту в окрестные леса. А она, как известно, пуще неволи.

Так что ожидали Жору несколько деньков безмятежного отдыха со вкуснейшей едой до отвала, несложной работой по хозяйству, и вполне возможно – получится сходить на охоту с кем-нибудь из дядькиных друзей-охотников погонять зайцев.

До электрички на Шаховскую ещё было где-то часа три, он любил ездить при возможности на четырёхчасовой – народу ещё немного, можно спокойно сидеть в уголке и читать, убивая время.

Жоре тем временем захотелось перекусить, и он направился в сторону подвальчика-чебуречной рядом с метро, где вкусно и недорого можно было заморить червячка аккуратно до тёткиных разносолов. Съев пару чебуреков с газировкой, он прошёлся по окрестным магазинам, где купил несколько безделушек в подарок тётке и всяких разных кондитерских изделий к чаю. Потом, на прилавке первого попавшегося лотка с книгами Жора выбрал себе пару покетбуков, где

на одной обложке дядька с мужественным лицом палил из автоматов с двух рук, на другой – целился куда-то из снайперской винтовки. Названия вполне соответствовали содержанию, но Жора был не в претензии, литературу такого сорта он называл «антимозг», и использовал только для истребления свободного времени, когда появлялась такая возможность. После прочтения эти книжки без сожаления им выбрасывались, оставлялись в дежурке и на лавочках-скамейках. В этом смысле они своей одноразовостью немного напоминали Жоре туалетную бумагу, да и могли в случае необходимости неплохо её заменить.

Купленное Георгий сложил в полиэтиленовый пакет с изображением бешено несущейся шикарной машины и снова порадовался тому, что барахла немного, и не надо тащить с собой, к примеру – ещё и одежду, которая в изобилии имелась у тётки. Оставшегося времени вполне хватило заскочить домой, принять душ и сменить служебный костюм на любимые охотничьи доспехи – удобный и довольно дорогой немецкий камуфляж из спецткани «Гортекс», и высокие ботинки-берцы.

Эти ботинки, надо отметить, были куплены по случаю на одной московской барахолке, и являлись предметом Жориной гордости.

Дело в том, что он любил время от времени посещать разные блошинные рынки и толкучки, где нередко находил какую-нибудь привлекательную для себя вещь – старый мед-

ный компас, изготовленный лет пятьдесят назад, перочинный нож из хорошей стали, или армейский кожаный ремень из ленд-лизовских поставок. Да уж, вещи "с историей" Жору всегда чем-то привлекали, и фраза из блоковских стихов про "пылинку на ноже карманном" звучала для него как девиз.

Так, нынешней весной, неспешно бродя по измайловской толкучке вдоль рядов со всякой всячиной Георгий и наткнулся на эти ботинки. Высокие, из толстой, но очень мягкой светло-коричневой кожи, на матовой жёлтой толстой рубчатой подошве, они сразу приковали его взгляд. Хоть ботинки оказались чуть великоваты да и стоили недёшево, но Жора купил их не торгуясь. Подошва из натурального каучука, практически неношенные, а главное – отчетливый черный штамп внутри " Only for the Brazilian army " не оставили места для сомнений в качестве изделия, и в наверняка интересной истории появления этой пары в России. Отличные ботинки, пошитые в Англии или США для бразильской армии просто не могли попасть в Москву 1995 года без приключений, жаль только, что рассказать их было некому.

В общем, облачившись во всё более-менее подходящее для деревни и возможной охоты, Георгий отправился в путь. Тут имелся ещё один нюанс – добраться до Ржева напрямую только на электричке было невозможно. По какой-то прихоти железнодорожников контактная сеть имела лишь до Шаховской, а далее – кто во что горазд: либо автобус, либо "бомбила"-частник, и, для любителей экзотики – авто-

стоп. Можно, конечно, взять билет на поезд "Москва – Рига" или подобный, да и ехать без пересадок прямо до Ржева, но это тащиться на Рижский вокзал, а там ещё есть ли билет или нет. Да и вообще, Жора считал вариант с поездом более хлопотным, равно как и автобусом с автовокзала из Москвы напрямую. Ему почему-то больше нравилось на электричке до Шаховской. Там всегда можно договориться с местным «бомбилей» и доехать прямо до тёткиного дома с комфортом на машине за вполне реальную сумму. Так или иначе, но через двадцать минут Жора сел на платформе «Тушинская» в вагон электрички.

Несмотря на рабочее время сидячие места были почти все заняты, но он знал, что это где-то до Истры, а после вагон заметно освободится, а уж до Шаховской поезд доберётся почти пустым. Местечко у окна однако нашлось, и Жора уселся поудобнее, достав из сумки наугад одну из книжек приготовился убивать время за чтением боевика. Но книжка отчего-то не читалась, сюжет ускользал, и мысли постоянно отвлекались на что-то другое.

Вздыхнув, он убрал томик обратно в сумку, и стал смотреть в грязноватое вагонное окно на мелькающие околomosковские ландшафты – серые унылые дома, заборы, опять заборы, полуразрушенные строения. Город с его проблемами и вечной суматохой постепенно, минута за минутой, оставался где-то позади, в прошлом. Ритмично стучали колёса на стыках, электричка ненадолго останавливалась на остановках,

шипели двери выпуская и впуская народ. Георгий всё смотрел и смотрел в окошко и, как только сумерки потихоньку стали накрывать заоконные пейзажи, он сам не заметил, как задремал.

Ба-бах! – с грохотом разъехались дальние от Жоры вагонные двери, впуская очередных пассажиров из тамбура внутрь вагона. Это была громогласная шумная мужская компания, видимо в крепком подпитии.

Георгий вынырнул из дрёмы сразу, будто и не спал. К входящим он сидел спиной, но моментально насторожился – слишком развязно-громко и агрессивно они себя вели. Да и интуиция, вкупе с развитым чувством опасности, его никогда не подводили. К тому же у компании явно имелись все признаки наступления фазы "...чё ты мне сказал?", когда определённую категорию людей прямо-таки тянет на различные приключения.

Оборачиваться он не стал, и без особого успеха попытался разглядеть что-нибудь у себя за спиной в отражении тёмного вагонного окна. Женщина, сидевшая лицом к Жоре торопливо встала, схватила две свои битком набитые сумки и поспешно вышла в тамбур, видимо не желая испытывать судьбу. Жора заметил, как она встревожено-опасливо обернулась, прежде чем открыть межвагонную дверь и перейти в соседний вагон. По диагонали от Георгия через проход сидел у окна пожилой, лет семидесяти с гаком мужчина с белоснежными кустистыми бровями и аккуратной белой бород-

кой. В комплекте к бородке прилагались седые пышные усы и чудная чёрная беретка с пимпочкой, напыленная на белоснежную же шевелюру. Он был одет в выдавшую виды геологическую куртку-брезентуху с капюшоном, «хемингуэевский», с воротником под горло свитер грубой вязки, и в потёртые джинсы. У ног мужчины стоял внушительных размеров рюкзак, даже не рюкзак, а вещмешок с завязанной лямками горловиной. Словом, ему не хватало только надписи на груди – "еду на дачу". Старик внимательно всмотрелся в не спеша приближающуюся гопкомпанию, затем торопливо развязал свой вещмешок, извлёк оттуда армейскую фляжку в потёртом брезентовом чехле и стал принимать какие-то таблетки, запивая их водой.

– Сердечник наверно – сочувственно подумал Георгий, и подобрал под себя ноги, готовясь резко вскочить в случае необходимости, одновременно убрав с колен свою полиэтиленовую сумку. Он не испытывал ровно никакого волнения от возможной приближающейся опасности, а немногочисленные пассажиры тем временем быстренько покидали вагон, не желая рисковать.

Тут надо отметить одну интересную особенность Жориного организма – по каким-то причинам природа то ли обделила, то ли наградила его полным отсутствием обычной человеческой реакции на стресс. Так, когда у нормального человека при появлении опасности резко увеличивается частота дыхания, пульс и кровяное давление – и всё это благодаря

адреналину, который впрыскивают надпочечники, – у Жоры не происходит ровно никаких изменений. Пушкинская фраза: "Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю..." не имела с организмом Георгия ничего общего. Даже в самых сложных и тяжёлых ситуациях в Афгане он никогда не терял головы. От волнения, возбуждения или страха у него никогда не тряслись руки и не сбивалось дыхание. Это качество не раз выручало его с товарищами из самых пиковых положений. Абсолютно хладнокровно и спокойно он оценивал ситуацию, и, без лишних эмоций, не спеша выбирал самое верное решение.

Также спокойно и академично он сначала закончил юношескую планерную школу при ДОСААФ, а потом перед армией в аэроклубе освоил спортивный «Як», исповедуя старую лётную истину: "...в авиации надо делать всё быстро, медленными движениями, и без перерывов между ними".

Благодаря этой своей особенности он очень неплохо стрелял, особенно на дальние дистанции, и по этой же причине с треском вылетел из секции бокса, в которую решил записаться в девятом классе.

Напутствие тренера было кратким: "Иди, паренёк, домой. Физические кондиции шикарные, а вот хорошей спортивной злости у тебя нет ни капли. А без неё нет и настоящей воли к победе, будешь вечно вторым". Тогда Жора и подался в аэроклуб, о чём впоследствии совершенно не жалел.

Тем временем вошедшая компания не пожелала сесть на

свободные места, а отпуская матерные комментарии минувала Жорину скамейку, проходя дальше по вагону. Он внимательно их разглядел – пятёрка крепких ребят от 20 до 25 лет, стрижки ёжиком, обычная униформа шпаны – спортивные костюмы типа «Адидас», короткие кожаные куртки, кроссовки. Эта компания как-то сразу заполнила весь проход в середине вагона.

К немалому Жориному удивлению они безразлично скользнули по нему взглядами и почему-то сразу привязались к старику в беретке, почти закрыв его от Жоры своими спинами.

– Глянь, Лёха, что за панама у деда! – начал один, выглядевший постарше остальных, видимо вожак этой шайки, поставив правую ногу на край вагонной скамейки.

– И «сидор» у него под стать кепке – подхватил другой, а третий дурашливо запел – ...а что у вас, ребята, в рюкзаках? – и присел напротив, по-хозяйски схватив мешок за лямки и пытаясь поднять его с пола.

– Не лапай – неожиданно низким густым баритоном сказал мужчина, не давая парню поднять мешок, придерживав его рукой.

– Ты чё, пингвин старый, рамсы попутал? – ощерился на него тот, от неожиданности, а может и от испуга отпустив лямки.

– М-да, вечер явно перестаёт быть томным – подумал Жора. – Пять человек, ерунда, хотя, вроде как и не очень-то

они и пьяные, больше дури. Но и молчать в тряпочку не наш метод – окончательно решил Ларионцев и довольно громко сказал:

– Ну, что орлы, приключений ищем или ночлега в камере?

Вся компания дружно обернулась к нему, с интересом изучая новое действующее лицо.

– Однако, братва, у нас тут герой нашёлся, защитник слабых и обездоленных, мать его... – высказался самый старший, не выдвигаясь, впрочем, на передний план. А Жоре-то именно это было очень желательно, поскольку по своему опыту он знал, что первым вырубать нужно именно лидера.

– Мою мать не трогай, она со своей работой справилась, а вот твоей хорошо было бы потерпеть – вдруг пузо рассосется, тогда и не появился бы на белый свет такой урод и недоумок! – Георгий намеренно обострял ситуацию персонально оскорбляя вожака, вынуждая его выйти из-за спин подельников и войти в зону поражения.

Жора практически сразу понял, что "съехать на базаре" не получится и драки не миновать, но поезд исправно стучал колёсами и скоро должна быть какая-нибудь станция, а, стало быть – и возможная помощь милиции, хотя на неё Ларионцев не особенно рассчитывал.

– О, как... – повторил вожак, не двинувшись с места. – Снегирь, объясни этому клоуну, что он забыл загримироваться, выходя на арену, исправь-ка упущение!

Парень, присевший напротив старика оставил того в по-

кое, встал, ухмыльнулся, и двинулся к Жоре, приговаривая – Эт мы щас, эт можно, с нашим удовольствием...

Договорить он не успел. Жора, не вставая подождал, когда оппонент подойдёт к нему поближе и нанёс сильнейший удар ему под колено, выбросив правую ногу из-под себя с разворотом, и вложив в этот удар всю мощь, какую мог. Энтузиазм бандита исчез в один момент, и он с воплем, обхватив покалеченную ногу, повалился на грязный пол электрички.

Вообще-то подобным ударом Жора ломал довольно толстые доски, но сейчас последствия его не заботили – численное преимущество шпаны не оставляло места для гуманности.

Быстро вскочив, он шагнул в проход между лавками, контролируя соседние лавочные ряды, чтобы не дать противникам возможности зайти сбоку.

В этот момент, перешагнув тело воющего от боли подельника, на Жору стал надвигаться здоровый детина, видимо играющий роль «кувалды» в этой шайке.

Приближаясь к Жоре он принял, как ему самому наверное казалось боевую стойку – вроде боксёрской, но более бестолковую. Жора практически сразу определил уровень бойца – в лучшем случае "дворовый КМС", а то и до этого не дотянул.

Попрыгав на месте, ну, только чтобы поддержать мизансцену, Георгий молниеносно имитировал атаку в голову оппонента, а когда тот пытался довольно неуклюже её пари-

ровать и высокомерно поднял руки – безжалостным сильнейшим ударом кулака слева в печень уложил на заплёванный пол и этого искателя приключений. Скрючившись, и судорожно пытаясь глотнуть воздуха, почти парализованный болевым шоком он лишь подтвердил старую истину, что "большой шкаф громче падает".

Ситуация "минус два" заставила главаря отвлечься от беззащитного старика, и направить двух оставшихся бойцов на нейтрализацию нежданно активного противника.

А вот поведение этой парочки, то, как плавно они двигались, как одновременно вскочили ногами на лавочки, оказавшись сразу выше, слева и справа от прохода, заставило Жору максимально собраться. Он сразу почуял в них опытных и опасных бойцов, и начал медленно, шаг за шагом, ни на секунду не отрывая взгляда от противников, отступать в сторону тамбура.

Впрочем, нападать на него они не торопились, держа дистанцию и продолжая неспешное движение по деревянным сиденьям лавочек электрички, благо, что вагон мгновенно полностью опустел. Они аккуратно перешагивали через спинки, угрожая нападением слева или справа, и как бы вытесняя Жору из вагона.

Тут поезд заскрежетал, притормаживая и сбавляя ход – видимо приближалась станция, и Георгий увидел, как за спиной главаря неожиданно встал старик. Рот у него открылся, словно тот набирал воздух чтобы что-то сказать или позвать

на помощь. Одновременно Жора почувствовал какое-то движение сзади, и, не оборачиваясь, начал уклоняться, уходя в сторону... Но тут в его голове будто взорвалась бомба, боли не было, просто кто-то словно повернул некий выключатель, и Жорины мозги обесточились.

Глава 2

Сознание возвращалось медленно, словно Жора всплывал с огромной глубины некоего омута, наполненного вместо воды мешаниной из образов и обрывков звуков. И всё это шумное, пёстрое месиво было вязким словно сироп, всплыть никак не получалось, но он рвался наверх с упрямством носорога. Вдруг одновременно всё исчезло, и Жора открыл глаза.

Он лежал на спине на чёрном кожаном диване, до подбородка укрытый одеялом в белоснежном пододеяльнике, ногами к нараспашку открытой двери в комнату. Через нее просматривалась часть коридора и такая же дверь, тоже распахнутая настежь, в комнату прямо напротив. Там была видна половинка шкафа, из-за которой выглядывал угол кровати, и окно, по краям которого висели занавески с весёлым рисунком. В то окно ярко светило солнце, то ли закатное, то ли рассветное.

— Однако... Где это я так вчера набрался? Ни фиги не помню... Явно деревенский дом или дача, все отделано вагоночкой, печным дымком маленько тянет... Чёрт, башка-то как трещит...

Жора оторвал взгляд от обшитого вагонкой потолка и стал с любопытством рассматривать доступный взору интерьер комнаты.

Диван, на котором он лежал, стоял вдоль стены, над ним

нависали книжные полки, нижний ряд которых почти касался его высокой кожаной спинки. Слева и справа от раскрытой входной двери стояли массивные книжные шкафы. Через их стеклянные двери было видно, что они битком набиты книгами. Надписей на корешках прочесть не получалось – далековато, но по их внешнему виду было понятно, что это скорее всего научная литература.

Стена напротив Жориного ложа также была завешена почти до потолка книжными полками, заполненными такими же разномастными книгами. Под полками стоял невысокий, но массивный сейф, грубовато раскрашенный «под дерево» коричневой краской. На сейфе разместился небольшой аквариум, в котором, подсвеченная лампой, мельтешила разноцветная рыбная мелочь. Далее у стены стоял шикарный стул тёмного резного дерева, виднелся край кресла и часть письменного стола. Но это Жора видел уже краем глаза. Для того чтобы рассмотреть комнату полностью надо было повернуть голову, а вот это движение ему отчего-то не давалось. Преодолев слабость, Жора достал из-под одеяла руку и коснулся своей головы.

Оп-па... На ней явно имелась повязка, причем – солидная такая, типа «чепец», знакомая Жоре по Афгану. Сам он такое «украшение» ни разу не носил, бог миловал, но видел, как его накладывают при ранениях в голову.

– Где же я словил ЧМТ¹? Да ещё и такую, что память от-

¹ ЧМТ – черепно-мозговая травма

шибло... Так, спокойно, а что я вообще помню? Сменился... потом зал, тренировка... Блин! Я же на охоту собирался! Видно что-то на охоте случилось, вот и дом незнакомый, но явно деревенский...

Жора добросовестно попытался шаг за шагом восстановить прошедшие события, но дальше сборов к тётке память не включалась. Самое время было воззвать к хозяевам дома и попробовать у них получить ответ на вопрос – а что, собственно, произошло-то?

К тому же Жорин мочевого пузыря был не просто полный-преполный, а весьма недвусмысленно угрожал лопнуть.

Жора открыл было рот, чтобы подать голос, но вид, открывшийся напротив, заставил его буквально поперхнуться. В комнате через коридор, ещё секунду назад казавшейся безлюдной, спиной к Жоре стояла девушка. Она смотрела в окно, подняв руки к голове и закалывая пышные волосы. Дверной проём, словно рама картины, обрамлял её фигуру. Солнце, светившее контражуром в окно, насквозь просвечивало тонкую ночную рубашку девушки. Её высоко поднятые руки вздёрнули и без того короткую ночнушку на предельно рискованную высоту, а бессовестное солнце позволяло без труда рассмотреть, что под рубашкой у девушки из одежды нет ничего, кроме замечательной ладной фигурки.

Словно почувствовав Жорин взгляд она обернулась, и, ойкнув, одним движением захлопнула дверь. Жора же, в свою очередь в полной мере осознал, что несмотря на череп-

но-мозговую травму и связанную с ней частичную потерю памяти некоторые органы работают весьма неплохо, угрожая поднять одеяло к потолку, и что на нём из одежды только повязка на голове.

– Ох, ёлы-палы... Ну и как я тут совершенно голый оказался, да ещё с такой соседкой напротив...?

Из-за закрытой двери послышался голос девушки:

– Дед, а дед! Он проснулся!

– Иду-иду... – отозвался низкий мужской голос, послышались торопливые шаги, и в комнату вошёл довольно пожилой на вид мужчина, в цветастой байковой рубашке с закатанными рукавами, под которой виднелась тельняшка, легких тренировочных брюках и домашних тапочках на босу ногу.

Лет ему, по всей видимости, было достаточно много, но сколько наверняка – сказать сразу было затруднительно. Точному установлению возраста препятствовала короткая, ёжиком, стрижка и щётка трехдневной щетины на лице. Но поскольку и ёжик, и щетина были белоснежно-седые, без единого тёмного волоска, Жора остановился на приблизительной цифре лет в 70–75.

– Ну, привет, спаситель – сказал он, и, уловив Жорино движение привстать торопливо добавил – лежи, лежи, тебе пока нельзя лишний раз двигаться. Лечим мы тебя достаточно интенсивно, но еще с денек придется полежать на положении "ни гу-гу".

– Э-э-э – голос Жоры немного дрожал. – Прежде чем продолжить нашу беседу должен все же попросить помочь мне встать. Излишки жидкости в организме убедительно требуют, знаете ли...

– Ну да – звонко хлопнул себя по лбу дед. – Немудрено, третий день спишь, хоть метаболизм мы тебе и притормозили, но все же... Сей момент эту проблему решим, встать вовсе не обязательно... Натаха, "нянька, утку давай!" – рявкнул он, процитировав он Жванецкого.

– Несу... – отозвался девичий голос, противоположная дверь хлопнула, мелькнул белый халат, и через несколько секунд в комнату вошла давешняя девушка. Теперь, вместо ночной рубашки на ней был одет белоснежный медицинский халат, в руках она держала эмалированную "утку".

– Э-э-э – снова проблеял Жора, вцепившись руками в одеяло.

– Сейчас, сейчас – понял Жорины проблемы дед. Он отобрал у девушки сосуд и сказал:

– Ты пока иди, мы тут сами справимся, чуть позже я тебя кликну, проведем тут консилиум, но вначале мы с Георгием немного поговорим.

– Дед, ты не горячись, ещё будет время поговорить, ему оклематься сначала надо – нахмурилась девушка.

– Ты не переживай, я самую малость... Да и посмотри – неплохо ведь выглядит.

– Вообще-то действительно, неплохо, но всё равно – не

злодействуей... – и девушка вышла, оставив дверь открытой.

Дед хмыкнул, подмигнул, и плотно закрыл дверь. Потом он помог Жоре осторожно повернуться на бок, подставил «утку», придерживая её до завершения процесса, после аккуратно поставил наполненный чуть не до краев сосуд на пол.

– Натаха, груз! – снова рывкнул он. Девушка появилась в комнате буквально через секунду, явно стояла за дверью, осторожно взяла «утку» и вышла, снова оставив дверь открытой.

– Да ладно, пусть слушает, зато потом пересказывать не надо будет – проворчал дед, неожиданно легко взял массивный стул у стены, поставил его спинкой к Жоре и уселся на него словно на коня, поставив ноги по бокам.

– Ну-с, теперь давай немножко побеседуем. Ничего, что я на «ты»? Разница в возрасте мне это позволяет...

Жора безразлично махнул рукой, наслаждаясь чувством наступившего облегчения.

– Во-первых, представляюсь – меня зовут Олег Васильевич, фамилия – Пасечник. Кто такой и чем занимаюсь? Я профессор, научный работник, так сказать, подробнее об этом позже... С тобой я уже заочно знаком. Кое-какую информацию почерпнул из твоих документов – извини, пришлось по карманам полазить. Так как ты себя чувствуешь, что болит?

– Да сносно вроде как себя чувствую – Жора прислушался

к организму. – Вот когда на бок ложился в башке некий такой дискомфорт плесканулся, боль – не боль, но неприятно, ну и слабость офигенная...

– Немудрено, такая, дружок, у тебя там гематомка внутренняя была – мечта... – старик закатил глаза, словно обзавестись такой гематомой мечтал всю жизнь. – А слабость, это ещё и из-за препаратов, пройдёт быстро, день-два...

– Что значит "была гематомка", мне что, трепанацию тут делали? – армия научила Жору неплохо разбираться в медицине, и он прекрасно понимал, что иначе как трепанацией солидную внутричерепную гематому за такой срок не убрать. Опасность такой фигни внутри головы Жора тоже очень хорошо представлял. – Может меня лучше в больницу как-нибудь переместить, там рентген хоть есть, да и врачи... Вдруг трепанация понадобится...

– Молодец, разбираешься... Но вот в больницу, по ряду причин, по каким – опять-таки позже – тебе пока не стоит рваться. Поверь мне – здесь ты получаешь всё необходимое для выздоровления, намного больше и лучше чем в больнице. Да и рентген здесь есть, тебе его, кстати, делали, нейрохирург твои снимки уже смотрел. Завтра-послезавтра, если понадобится – сделаем ещё, а трепанация, при современных, так сказать, методах лечения вовсе и не требуется.

– Ну ладно, не требуется – так не требуется – Жора отчего-то сразу поверил старику. – А где я нахожусь и что произошло, Олег... э-э-э...

– Васильевич – напомнил старик. – Ты что, вообще ничего не помнишь?

– Только то, что на охоту к тётке поехал, помню... Блин! Три дня?! – Жора едва не вскочил.

– Тихо, тихо, лежи... Не волнуйся, у твоей тётки я уже был. Сказал, что на работе тебя задержали, через недельку приедешь. Елена Станиславовна – милейшая, кстати, женщина – едва не до смерти меня чаем запоила, часа два хлебал. Пирогов тебе передала, извини, сегодня утром последние доели, уж больно вкусны. Но пирог, он свежий хорош, а ты, по нашим прогнозам, должен был ещё как минимум ночку поспать. Ну да ничего, тётка ещё напечёт – Олег Васильевич явно веселился.

– А как вы... – начал Жора.

– Нашёл твою дражайшую тётушку? – закончил за него Пасечник. – Очень просто. Конверт с её письмом был в кармане твоей куртки, на конверте обратный адрес. Отсюда, вообще-то, до её дома минут 20–25 на машине. Догадаться – куда ты ехал со своей сумкой, сложить дважды два, сам понимаешь, было совсем несложно. Сумку, кстати, я ей передал. Однако, то, что ничего не помнишь – это не очень хорошо... – тут он помрачнел.

– О, попробуем один способ... – с этими словами он вскочил и исчез из комнаты.

Через несколько минут в комнату вошёл старик в потёртой брезентовой куртке с капюшоном и геологической эм-

блемой на рукаве. Под курткой виднелся свитер с высоким воротом. На белоснежной шевелюре красовался берет, лицо украшала не менее белоснежная санта-клаусовская борода. В руке старик держал за лямки зелёный брезентовый мешок-рюкзак. То, что это был Олег Васильевич, можно было определить только по спортивным брюкам и тапочкам на босу ногу.

Жора открыл было рот, чтобы спросить – что за маскарад, но тут же его закрыл. Он всё вспомнил...

– Электричка... – сказал он, – шпана... Вот значит, кто меня, а я думал – на охоте что-то приключилось...

– Уф, ну, слава богу, – сказал Пасечник. Он снял парик и берет, аккуратно отлепил бороду. Замотал всё это в предварительно снятые куртку и свитер, снова позвал – Наталья! Прибери амуницию!

Затем Олег Васильевич отдал свёрток и мешок безмолвно возникшей девушке. Она взяла всё в охапку и столь же безмолвно исчезла, а Пасечник снова оседлал стул.

– Это, брат, не шпана... Кто это и что – об этом опять-таки попозже. Подробности зависят от хода нашего дальнейшего разговора. Вот ты мне лучше скажи – зачем ты живёшь на этом свете? В чём, так сказать, ты видишь смысл своей жизни? Что хочешь от неё получить и к чему стремишься? Подумай, прежде чем отвечать, не удивляйся этим странным вопросам – они не совсем уместны только на первый взгляд. Конечно можно было построить беседу иначе, но поверь мне

– я просто экономлю своё и твоё время, у нас его не так уж и много, по большому счёту...

Сказать, что Георгий был ошарашен – не сказать ничего.

– Ни фиги себе – подумал он – в чём смысл жизни... У деда с головой всё в порядке? Он меня дальше что – попросит в двух словах напомнить содержание "Войны и мира"?

Однако Олег Васильевич внимательно, молча смотрел на Жору поверх спинки стула, терпеливо ожидая ответа, и Жора невольно задумался...

– Даже не знаю – чего я хочу в глобальном смысле моей жизни, Олег Васильевич. Я решил так – если не можешь заниматься тем, чем хочешь, занимайся тем, чем можешь. Пока я занимаюсь тем, чем не стал бы заниматься – будь у меня выбор. Но там неплохо платят, квартиру вот для начала хочу купить, а дальше посмотрим. Иными словами, пока просто живу.

– Отлично – кивнул головой Олег Васильевич – то, что надо. Я сразу понял, что ты из себя представляешь, рад, что не ошибся. Значит так, Георгий – я хочу тебе кое-что предложить. А именно – работу. Думаю, что она будет намного интереснее того, чем ты занимаешься ныне, и уж точно гораздо лучше оплачиваться.

– Э-э-э – озадаченно начал Жора...

– Стоп! – Пасечник, подняв ладонь, остановил Жору. – Пока начинаем лечиться. Уверяю тебя, это займёт совсем немного времени. Вернёмся к деталям чуть позже, а сей-

час...

– Я здесь! – Наталья, улыбаясь, уже стояла за спиной деда.

– Тьфу ты, муха, испугала... Вот, Георгий, познакомься – моя внучатая племянка и первая помощница – Наталья, свет-Кузьминишна... Дипломированный медик и кулинар-самоучка. И то – и то получается очень даже неплохо. Ну, вообще-то достоинств у неё на самом деле гораздо больше, ну да потом узнаешь.

– Дед! – протестующе пискнула девушка.

– А? Что? Тьфу ты, дурак старый, глупость двусмысленную плюхнул... Нет, имел-то я ввиду, что и стреляешь ты, Наташка, неплохо, и плаваешь... Спортсменка, словом. Даже с парашютом прыгала... Вот у тебя, Георгий, сколько прыжков? – Олег Васильевич явно старался заговорить, так сказать – заболтать неловкость.

– 39 – автоматически ответил Жора, и тут же изумлённо продолжил – а это-то откуда знаете, что прыгал?

– Я, брат, много чего про тебя успел узнать – три дня это на самом деле немало. Предложение, что я тебе сделал, не могу себе позволить делать абы кому, не наведя предварительно справки. Ну, потом об этом, потом... Пока лечись. Давай, Наталья, действуй.

Он встал, поставил стул на место и ушёл, помахав на прощание Жоре рукой, а Наталья выкатила откуда-то из-за изголовья дивана сервировочный столик на колёсиках. Он был заставлен упаковками с лекарствами, разовыми шприцами

и прочей медицинской атрибутикой. Следом девушка придвинула стойку-треногу для капельницы и проворно снарядила всем необходимым для процедуры, но начинать её пока не стала. Далее Жора послушно выпил какие-то разноцветные шарики, запив их жидкостью, налитой в строго определённом количестве в специальный стаканчик-дозатор. Жидкость наливалась из какого-то сосуда из нержавейки, более похожего на контейнер, и Жора даже подумал, что наливается некий медпрепарат, но и на вид и на вкус это была обычная вода. Потом ему всадили в трицепс несколько инъекций, и правда, почти неощутимо – рука у Натальи действительно была лёгкая. Не менее искусно она нашла у Жоры вену и установила капельницу.

– А... – начал было Жора...

– Тс-с-с – закрыла ему рот ладошка – все разговоры потом, сначала лечимся...

Он послушно закрыл рот, и почти сразу отрубился.

Глава 3

Жора шёл по едва заметной лесной тропке. Слева и справа стояли то ли вековые сосны, то ли высоченные кедры, густой подлесок не давал возможности сойти с тропы. Камуфляж, разгрузка, на голове платок-бандана, автомат на шее поперёк груди, на него положены согнутые в локтях руки. Таким манером идти для шеи лишняя нагрузка – автоматный ремень изрядно на нее давит, но зато руки отдыхают. На ногах синие кроссовки «Адидас» сделанные в СССР – кондовые, жаркие, из толстой кожи, немилосердно окрашивают и носки, и ступни в индигово-синий цвет. Однако, пока пластиковая подошва не оторвётся от верха, сносу им не будет. А подошва отрывается не скоро.

В одну секунду лес превратился в серо-коричневые, выжженные солнцем афганские горы с пятнами редкой зелени, только тропинка осталась та же. Еле видная среди каменных осыпей, она петляла между валунов, временами пропадая на каменных плитах, и возникая вновь, проявляясь на песке и щебне. Тропинка вела и вела наверх, к вершине небольшой горы, и Жора уже знал, что будет дальше, но отчего-то совершенно этому не удивлялся.

Не останавливаясь, осторожно ступая по каменному крошеву, стараясь чтобы не сыпались из-под ног с предательским шумом мелкие камешки он снял с шеи автомат и пере-

вёл предохранитель на стрельбу очередь. У, чёрт... он забыл отжать переключатель, и щелчок предохранителя прозвучал предательски громко, словно выстрел.

Вот тропинка ныряет в небольшое ущелье, скалы тут поднимаются по бокам в два человеческих роста, и резко поворачивает направо. Стоп – где-то здесь должна быть проводочка растяжки – а вот и она. Жора осторожно перешагивает через растяжку. Снимать её некогда, он осторожно достает из кармана разгрузки и вешает на проводочку сложенный пополам обрывок газеты, затем еле слышно дважды щёлкает ногтём по микрофончику гарнитуры трофейной рации – тревога... Слышит в наушнике ответный щелчок – сигнал принят. Те, кто идут вслед за ним, в нескольких десятках метров позади, на растяжку уже не попадут.

Ещё несколько осторожных шагов, и Жора видит, то, что видел в своих снах много раз – небольшая площадка в ложбинке на вершине горы, маленький очаг из камней, на нём закопченный чайник, рядом какие-то сумки. Чуть поодаль, на краю обрыва стоит крупнокалиберный пулемёт на станке, накрытый мешковиной. Тряпка свисает с него почти до земли, виден только ствол с набалдашником на конце, задранный в небо, и часть снаряжённой ленты, с торчащими из неё крупными жёлтыми патронами. Ещё чуть подалее в скале чернел щелеобразный проход в небольшую пещеру, перед ним на ковриках для намаза стояли на коленях два «духа» и молились, припав лбами к земле. Один поднял голову

и на его бородатом лице отобразилось крайнее изумление. Он не вставая с колен потянулся к изрядно потертому «калашникову», прислонённый к ближайшему валуну. Гремит раскатистой очередью Жорин автомат, стреляет он от бедра, но дистанция пистолетная, метров двадцать, промахнуться невозможно. Жора отчётливо видит облачка пыли, которые выбивают его пули из потертой пакистанской куртки-парки «духа», и тот валится мешком. Но падая, он невольно прикрывает своим телом напарника, и тот, моментально поняв – что к чему, рыбкой ныряет в спасительную темноту пещеры. Жора успел дать вдогон короткую запоздалую очередь, но сразу понял, что, скорее всего – не попал. Он кинулся к входу в пещеру и... проснулся.

Этот сон Жоре снился уже не раз, каждый раз в мелочах немного разный, но в основном происходило одно и то же. Это был один из первых Жориных боёв в Афгане. До этого были, конечно, перестрелки, но где-то далеко от него, ему даже ни разу стрелять не приходилось. И вот так – лицом к лицу, этот бой был первый. И первый раз Жора отчетливо видел, как выпущенные им пули попадают во врага.

В тот раз их группу забросили вертолётom на перехват каравана из Пакистана. Местные безопасники-хадовцы² откуда-то узнали, что ожидается большой груз. Помимо всякого оружия скорее всего там будут и «стингеры», столь

² ХАД – название службы государственной безопасности в Демократической Республике Афганистан.

ненавидимые советскими лётчиками, а это знатная добыча. Захватившие эти пусковые установки могут смело "крутить дырочки" – без награды не останешься. Основная сводная механизированная группа выдвигалась на перехват через Джелалабад, в направлении главного маршрута каравана, а несколько маневренных подразделений забросили вертолётами в места менее вероятного прохода «духов». Причина проста – следовало подстраховаться, поэтому и было принято решение отправить немногочисленные группы, усиленные «Шмелями», "Рысями" и гранатометами «Пламя» для занятия высот, контролирующих возможные альтернативные маршруты каравана.

Чтобы не спугнуть «духов» «вертушка» выбросила Жорину группу в нескольких километрах от высоты, на которой им следовало оборудовать НП. И вот, следуя по маршруту, они и нарвались на замаскированную пулемётную точку-ловушку для советских вертолётов.

В другое время уничтожить такую цель было бы очень даже неплохо, но сегодня перестрелка могла спугнуть караван, а в этот раз это была цель номер один. Поэтому командир группы лейтенант Суховатый только осуждающе покачал головой, когда добрался с основной частью группы до места перестрелки. Жора лишь развёл руками: – Нос к носу столкнулся, тащ лейтенант, даже подумать времени не было!

Тот лишь махнул рукой – мол, и сам всё понимаю, тихо тут никак не сработать...

Жора быстро вполголоса доложил, что один из «духов» успел укрыться в пещере. Лезть во мрак убежища дураков не было, да и время поджимало. Поэтому вход в пещеру просто загородили пулемётом «духов». Его втиснули в проход прямо на станке, предварительно сняв затвор и запихнув под железяку станка мину МОНку³, установленную на неизвлекаемость. Уже отдалившись от места стычки на довольно большое расстояние, Жора слышал эхо далёкого взрыва, почти наверняка поставившего точку в жизни неизвестного "духа".

Караван, кстати, тогда защучила основная сводная мехгруппа, а на долю Жориной команды достался лишь жалкий остаток банды, уходивший от разгрома. Десяток мулов и верблюдов, навьюченный тюками с боеприпасами («стингеров» там, увы, не было), был истреблён весь, до последней скотинки и погонщика. Ушло лишь два всадника, по которым дружно стреляли все, но душманам в этот раз повезло – никто не попал ни во всадников, ни в лошадей... А Жоре тогда было гораздо жальче бессловесных тварей, чем их хозяев. Поэтому, взяв СВД-шку⁴ снайпера, раненого шальной пулей в плечо, Жора хладнокровно ловил в сетку прицела фигурки «духов», карабкающихся по склонам ущелья в попытках уйти, нажимал на спуск и видел, как в облаках пыли кувыркаются вниз по склону их тела, теряя амуницию. Тот бой кончился довольно быстро, поскольку деморализованные «ду-

³ МОН-50 – противопехотная осколочная мина направленного поражения

⁴ 7,62-мм снайперская винтовка Драгунова

хи» толком и не сопротивлялись.

Домой Жорина группа вернулась полностью и без потерь, было лишь трое раненых, и то – легко. Почему-то именно этот первый бой часто снился Жоре, несмотря на то, что позже были куда более впечатляющие моменты, когда Жора и его товарищи буквально по лезвию ножа проходили рядом со смертью.

Но вот ночной морок сна исчез, Жора потихоньку возвращался в настоящее.

Открыв глаза он увидел уже знакомую комнату, разница была лишь в том, что на шикарном, прежде пустом резном стуле сегодня находилась его одежда – трусы, привычная Жорина зеленая футболка и ФРГ-шный камуфляж из гортекса цвета «осень». Отсутствовали только куртка и ботинки, зато на полу имелись забавные войлочные тапочки-чуни с отворотами. Их то ли сделали из старых валенок, то ли они изначально задумывались войлочными.

Окаянный мочевого пузырь опять принуждал предпринять очередные необходимые действия. Жора сел на диване, спустив босые ноги на пол, и первым делом ощупал свою многострадальную голову – повязки на ней уже не было, но за левым ухом отчетливо прощупывался то ли шов, то ли шрам. Дверь в комнату на этот раз была закрыта, и Жора поспешил одеться, благо его трусы-"боксеры" лежали на стопке одежды сверху.

Ни треноги капельницы, ни столика с прочими медика-

ментами рядом с диваном уже не было, и Жора, затягивая ремень на камуфляжных штанах с любопытством огляделся. Интерьер, в общем, ему был уже знаком. Из ранее незамеченного имелся только массивный письменный стол темного резного дерева, явно старинной работы. У стола стояло полукресло – также резное, с кожаными сидением, спинкой и подлокотниками. Чуть левее стола имелось окно, прикрытое тюлевой занавесочкой. Дневной свет, лившийся из него, не оставлял особенного сомнения во времени суток.

На столе царил идеальный порядок – никаких разбросанных бумаг, лишь настольная лампа, цвета слоновой кости дисковый телефон и канцелярская подставка-календарь со стаканчиком, заполненным ручками и карандашами. В дальнем правом углу стола белел пластиком монитор компьютера с системным блоком. Клавиатуры и «мышки» видно не было. Протиснувшись между книжной полкой и столом Жора отодвинул занавеску и выглянул в окно.

Там он увидел строение, очень похожее на большой гараж, и скорее всего таковым и являющееся. Чуть правее находился одноэтажный деревянный, явно жилой дом, из трубы которого тянулся дымок, а перед крыльцом деваха лет пяти что-то втолковывала курице с выводком цыплят, попутно рассыпая им корм из небольшой миски. Курица, впрочем как и цыплята к нотациям относились наплевательски, и лопали рассыпаемый корм с пулеметной скоростью.

Организм тем временем настойчиво требовал свое, и Жо-

ра, с легким сожалением оторвавшись от забавной сценки за окном, осторожно открыл дверь в коридор.

В отличие от предыдущего пробуждения дверь в комнату напротив была закрыта, в доме было тихо, лишь где-то негромко бубнил телевизор или радио.

– Ау... – осторожно, вполголоса сказал Жора, остановившись на пороге. – Хозяева, есть кто живой?

Противоположная дверь осталась закрытой, но где-то в глубине дома отозвался голос: – Ну наконец-то, проснулся наш герой, мы уж заждались. Сей момент подойду...

И в коридоре возник давешний дед, в той же одежде, включая тельняшку и китайскую байковую рубашку. На носу у него были очки, а в руке он держал развернутую газету.

Как самочувствие? – осведомился он, складывая газету, которую, видимо, читал перед Жориным появлением.

– Слава богу, неплохо, но есть проблемы... В основном физиологические...

– Понятное дело – кивнул дед. – Иди назад по коридору, там два санузла друг напротив друга, но слева Наташкино царство, с ее тряпками, стиральными прибрудами и прочими нюансами, в которые дамы нас посвящать не любят. Поэтому смело ступай направо, где наша, мужская зона. Там в шкафчике найдешь и зубные щётки новые, и для бритья-мытья всё необходимое. Как закончишь с гигиеной иди сюда, побеседуем.

Следуя совету, Жора двинулся по коридору в обратную

сторону. Пройдя мимо двери в «свою» комнату он увидел вешалку-прихожую, где среди различной верхней одежды висела и его куртка. Там же стояли на полу его любимые бразильские берцы, а сразу после вешалки нашлась и искомая дверь. Зайдя в немалых размеров комнату, Жора обнаружил душевую кабину, раковину умывальника, унитаз, и длинную хромированную зигзагообразную трубу на стене, типа той, что была в его московской квартире и называлась полотенцесушитель. Рядом, в достаточном количестве, стену украшали вешалки-крючки для одежды. На полотенцесушителе в изобилии имелись полотенца, разного вида и размера. Отличие от московской квартиры было лишь в том, что местный полотенцесушитель был электрический, о чём недвусмысленно свидетельствовал выходящий из него провод, утыкающийся в розетку у пола. Ванны не было, но в углу висел бак электрического бойлера, говорящий о том, что газа для отопления в доме нет, однако горячая вода имеется, чем Жора незамедлительно и воспользовался.

После всех гигиенических процедур и контрастного душа, хорошенько растеревшись махровым полотенцем он почувствовал себя заново родившимся. Мир окрасился совсем в другие цвета, шрам на голове почти не беспокоил, и Жоре все сильнее хотелось во всем разобраться и понять – куда же он влип...

Не спеша одевшись он пошёл на звук работающего телевизора. Коридор тянулся вдоль всего дома, четыре комнаты

располагались слева и справа попарно и симметрично, посередине – тоже друг напротив друга, комнаты разделяли две печки-голландки.

Пройдя коридор, Жора вышел в эркер. Огромный, во весь торец дома, полностью отданный кухне. За окнами эркера, метрах в 30–40, налево и направо тянулся бетонный забор, в котором были видны закрытые зеленые ворота. Поверх забора лежали витки «колючки», за забором вдали поблескивала водой неширокая речка. Ее противоположный берег, крутой и заросший подлеском, наверху косогора переходил в березовую рощу, ещё кое-где сохранившую редкую желтую листву. Сквозь окна светило нежаркое осеннее солнце, по светло-голубому небу быстро двигались клочья белых облачков.

Посреди кухни стоял большой круглый стол, накрытый скатертью в бело-красную клетку. Справа от двери стену занимал солидный кухонный гарнитур с двойной мойкой из нержавеющей стали, газовой плитой, и даже микроволновой печкой «Голдстар» рядом с большим белым трехкамерным холодильником той же фирмы. У другой стены стояла модная, в три яруса, стойка под аппаратуру. Сверху возвышался огромный японский телевизор «Панасоник», а видеомэгафон и двухкассетный музыкальный центр стояли на средней полке. Рядом располагался довольно дорогой проигрыватель грампластинок, сами пластинки толстой пачкой стояли в самом низу, в специальной нише стойки. Массивные колонки, явно предназначенные для воспроизведения высоко-

качественного звука, были пристроены по углам кухни. Жора лишь двинул бровями – богато, ничего не скажешь...

Олег Васильевич пультом выключил телевизор и жестом предложил Жоре присесть за стол.

– Ну, спаситель, как теперь самочувствие? – профессор удобно откинулся на стуле, внимательно глядя на Жору поверх очков.

– Теперь – совсем красота, – ответил Жора. – А чтой-то вы меня все спасителем обзываете? Вроде бы я и не успел толком помочь как под удар подставился... А как, кстати, тогда все закончилось, и почему я здесь оказался, а не, скажем, в больнице?

– Спаситель – потому что благодаря твоему вмешательству у меня было время предпринять определенные действия, в результате которых мы с тобой и сохранили свои жизни.

– Прямо так уж и жизни? – усомнился Жора. – Мне показалось – обычная шпана... И какие-такие действия вам удалось предпринять?

– Про действия попозже, но вот ты попробуй вспомнить – ничего необычного тогда не заметил? Нет? Погоди-ка, сейчас я тебе кое-что покажу... – Олег Васильевич легко поднялся и вышел из кухни.

Жора задумался. А ведь и правда – что-то царапнуло ему глаз, за что-то такое зацепился... Через секунду он вспомнил – в ухо одного из тех двоих, что прыгая по лавкам вы-

давливали его из вагона, подставляя под удар подельника в тамбуре, тянулся едва заметный, почти прозрачный проводок. Жора знал, что это такое – гарнитура рации скрытого ношения, такие обычно имеются в распоряжении различного рода спецслужб. Что-то подобное было и у Жориных коллег, допущенных в охрану драгоценного тела Рафика Дава-тяна. М-да, дела...

На кухню вернулся профессор и, один за другим, выложил на кухонный стол перед Жорой сначала кастет, добротный сделанный, явно заводской работы, потом небольшой черный пистолет с длинным цилиндром глушителя. Далее последовали две коробочки раций с короткими кольчатыми антеннами и именно с теми самыми прозрачными проводками гарнитур. В завершение на стол легло нечто, напоминающее шило или отвертку, только угольно-черного цвета.

– Вот этим самым кастетом тебя и били – профессор брезгливо, двумя пальцами, взял его со стола. – Причем, явно били так, чтобы убить... Если бы ты в последний момент не сместился чуть в сторону... – он покачал головой.

– А вот это, видимо, было приготовлено для меня – он кастетом подвинул ближе к Жоре шило-отвертку. – Посмотри, специальное шило из углепластика, с проточкой возле ручки. Втыкаешь и обламываешь – ни крови, ни следов, даже рентген не сразу обнаружит.

Несколько оторопевший Жора взял и внимательно рассмотрел предмет: действительно – и проточка, и необычно

легкий вес – все указывало на спецназначение этой вещи. Положив шило обратно, Жора взял пистолет, и, нажав на соответствующую кнопку, вынул обойму. В ней рядком выстроились непривычно маленькие патроны, калибром явно как у нашей «мелкашки», только, в отличие от нее, пули в них были не свинцовые, а оболочечные, в рубашке желтого металла. Модель пистолета Жоре была совершенно незнакома, эмблема или какое другое указание изготовителя на нем отсутствовали.

– Изящная штучка? – спросил профессор, – я не удержался, пальнул пару раз. Выстрел практически беззвучный, затвор громче лязгает – идеальный вариант для шумной улицы.

Он побарабанил пальцами по столу. – До сих пор таких откровенно наглых наездов они себе не позволяли, это фактическое объявление войны.

– Я что-то ничего не понимаю – чистосердечно признался Жора. – Кто это «они»? Кому вы так насолили? На обычных бандюков-беспредельшиков эта экипировка – он кивнул на стол – никак не тянет. И всё же – каким образом удалось у них все это изъять?

– А вот честные ответы на все вопросы возможны только после того, как мы с тобой придем к определенному соглашению, а я очень рассчитываю, что мы к нему придем.

Профессор опять, немного нервно побарабанил пальцами по столу. Было заметно, что он слегка волнуется.

– Вы не первый раз, Олег Васильевич, делаете эти туманные намеки, может, уже пора что-то рассказать? Ну, раз уж меня с вами таким образом свела судьба...

– Да, действительно – судьба... Ну что же, согласен – уже пора кое-что рассказать, но дело в том, уважаемый Георгий, что тайна, в которую я собираюсь тебя посвятить, носит характер и масштабы события, определяющего всю дальнейшую судьбу человека. Обратной дороги уже не будет, только с вместе нами до конца... Приобщать тебя, в сущности совсем незнакомого мне человека к тайне столь глобального масштаба меня вынуждают крайние обстоятельства. К тому же, прожитые годы худо-бедно научили меня разбираться в людях. Но ты, ты всё же подумай, и подумай хорошо – стоит ли тебе влезать в эту историю? Еще не поздно вернуться к своей обычной жизни. Подлечишься, я отвезу тебя к тетушке, да и забудем друг о друге. Ну и благодарность кое-какую, ясное дело, выражу. Если же ты согласишься примкнуть к нашей компании, то я могу обещать лишь одно – скучно тебе не будет, материальных проблем не будет тоже, но и риск, безусловно, имеет место быть... А как без риска? Без него только кактусы растут.

Заинтригованный Жора не колебался ни минуты:

– Олег Васильевич! Да чего там думать, я давно определился. Судьба моя решилась скорее всего уже тогда, когда встрял в это дело в электричке... Так что я все уже решил... Говорите, что нужно сделать? Что-то подписать?

– Да бог с тобой, Георгий! – Пасечник аж замахал на Жору руками, – ты ещё предложи кровью расписаться... К тому же я, хоть и в общих чертах, но уже имею представление о том, что ты за человек. Кое-какие справки пришлось навести, ты уж извини... Но напоследок все же хочется вкратце услышать именно от тебя о твоём жизненном пути. Так, схематично, основные вехи биографии... Неплохо услышать оценки того или иного события, в какой-то степени повлиявшего на твою жизнь. Личное дело вещь хорошая, но там далеко не все. Ты начинай, а я пока похозяйничая тут, раз уж под рукой Натахи нет. Ты, небось, есть хочешь?

Только в этот момент Жора понял, насколько он проголодался.

– Да уж, капельницами сыт не будешь, я бы заморил червячка...

– Сей момент сделаем, Наталья приготовила ещё утром. – Пасечник энергично загремел посудой, – а ты пока начинай повествование...

– Да история-то короткая будет, Олег Васильевич, – школа, армия... Какие там события...

– Э-э-э нет, давай поподробнее – чем увлекался, чему научился, а чему хотел бы научиться... Это важно, потом поймешь...

Жора откинулся на стуле и задумался.

– Ну, с чего начать? Родился и вырос я в Иловле, это поселок городского типа под Волгоградом, хаты пополам с «па-

нелюбимыми». Отца никогда не видел, даже фото, и по этой причине его не помню и не знаю. Да и мама никогда про него не рассказывала, видимо, что-то грустное там... Младшие классы ничем не интересны, правда читать я начал рано – еще до школы, и много. Прочитывал до конца любую книгу, попавшую ко мне в руки. Что дальше? Ну, музыкой увлекался, в шестом и седьмом классах довольно серьезно аккордеоном занимался. Так вышло, что тогда очень вовремя дальний родственник подогнал шикарный «Вельтмайстер» полного размера, трофейный еще. Он с войны с ним вернулся, а играть так и не научился. У меня же неожиданно прорезался некий талант, – довольно быстро я аккордеон освоил, хоть и тяжёлый он был, зараза... Преподаватели моим успехам удивлялись, помню... Потом в охотку пианино пошло, баян, гитара... Легко все давалось, даже губную гармошку одолел, хотя и поверхностно... В школе с точными науками не ладил, больше гуманитарный у меня склад ума... Хотя руки, без ложной скромности отмечу – из нужного места растут, ну и языки сами в мозг липли. В школе-то французский у нас был, так я к десятому классу довольно бегло мог разговаривать, хотя произношение у меня так себе, посредственно... А попутно и английский в азах освоил – беседу, по крайней мере, худо-бедно поддержать могу.

Где-то в 13–14 лет меня накрыла основная любовь – авиация. Началось в пионерских лагерях, куда исправно ездил каждое лето – авиамодельные кружки, сначала модели пла-

неров, потом – кордовые, с моторчиком. Этот дивный запах дерева, эмалита⁵ и горючки на медицинском эфире со мной на всю жизнь останется. Правда, к моему огромному сожалению, до вершины авиамоделизма – радиоуправляемых самолётов дело не дошло – уж больно больших денег там оборудование стоило. Зато в восьмом классе я случайно узнал про юношескую планерную школу при ДОСААФ – ну и рванул в Волгоград, нашёл, поступил. За два года освоил учебный планер БРО-11, хотя это как бы и не совсем планер в чистом виде – на веревке особо не летаешь, высоту полета задает именно длинна буксирного фала на лебедке с «бесконечным» тросом. Ну или с резинового амортизатора как камешек из рогатки тебя с планером выстреливают. Тогда вообще только подпрыгнуть можно – «подлёт» называется. Но все равно – хоть несколько секунд, а летишь. Тишина, только ветер свистит в расчалках – красота! – Тут Жора на секунду задумался, мысленно вернувшись в те волшебные времена, когда казалось, что весь мир лежит у твоих ног, затем продолжил:

После школы я хотел поступать в летное училище... Но тут в мои планы вмешалась суровая проза жизни – тяжело заболела мама – онкология. Хотя она и говорила – езжай, сынок, поступай, я справлюсь... Но бросить ее я не мог, однако нашел выход – устроился в Волгограде в аэроклуб. Начал работать на аэродроме, и заодно учился летать на спортив-

⁵ Клей на основе нитроцеллюлозы и растворителя

ных поршневых Яках. Там же и прыгать с парашютом начал, кстати... В связи с болезнью матушки от армии дали отсрочку, так до 20 лет и проработал в аэроклубе, до самой маминной кончины. Ну а потом – армия, как парашютист попал в десант, попросился в Афган – удовлетворили без проблем, сирота ведь. Больше года провел там, "за речкой" – повезло, ни царапины... Вернулся – тут начинающийся дурдом, перестройка, путч и так далее... Обратного в аэроклуб не взяли, все потихоньку разваливаться начало, да и копейки там... В лётное поступать уже и желание что-то пропало. Выручила музыка – начал играть по ресторанам. Вначале устроился в родной Иловле – "Казачий курень", потом в Волгограде... Через пару лет понял – не мое это, хотя и денежно. Поехал в Москву, тут армейские друзья помогли устроиться, подался сначала в инкассаторы, потом попал то ли в охрану, то ли в прислугу этого упыря Даватяна...

Вот вроде и все мои основные вехи, спрашивайте, если какие подробности нужны...

Пока Жора излагал свою историю, Пасечник успел разогреть еду и заставил стол кастрюльками, тарелками и сковородками.

– Вопросы возможно и будут, но попозже, а ты давай, приступай... Вот суп с фрикадельками, мясо, картошка, соленые огурчики, грибки, овощной салат... Все очень даже вкусно, Наталья готовит отлично. Давай поухаживаю, положу салатик. Печень трески – замечательное блюдо, я уже отведал, а

тебе эти витамины очень кстати. А пока будешь есть, я тебе начну рассказывать свою историю.

Профессор начал не спеша прохаживаться по кухне, время от времени останавливаясь и поглядывая в окно.

— Как я уже тебе говорил ранее, если помнишь — я профессор, занимаюсь наукой, тут главный нюанс — какой... Дело в том, что я со студенческих времен увлекся теми областями естествознания, которые считались как бы прикладными, и не очень серьёзными. Академическая наука к летающим тарелкам, экстрасенсам, реликтовым чудовищам, йети с Несси и прочим паранормальным явлениям относилась всегда с прохладцей, если не сказать еще грубее. Да и по правде сказать — уж больно много различного рода авантюристов и откровенных жуликов промышляло в этих дебрях.

Однако власть имущие и различные правители нет-нет да и вкладывали средства в эти, надо сказать — довольно сомнительные изыскания. Начиная со средневековья с его алхимиками и предсказателями-астрологами, ну и до наших времен — немцы с Аненербе, американцы с их "Голубой книгой", а до нее — их же проекты «Знак», "Недовольство". Просуществовало это, правда, недолго — у немцев по понятным причинам по сорок пятый, а у американцев по шестьдесят девятый годы. Тем не менее, с несомненного одобрения американского правительства, некая неплохо финансируемая возня при разных университетах, типа Стенфордского, продолжается и ныне... Самый серьёзный и прорывной получился

у них так называемый Монтаукский проект⁶, в рамках которого американцы будто бы научились открывать порталы то ли во времени, то ли в параллельные миры, но это отдельная история. Советский Союз тоже старался не отставать – были открыты наши проекты аналогичной тематики – "Сетка МО", "Сетка АН"... А в 1983 году была сформирована некая в/ч 52609, по сути являющаяся особо секретным научно-исследовательским центром при КГБ, созданном по личному распоряжению Андропова. Кстати, именно информация по Монтаукскому проекту, добытая нашей разведкой, и стала основным убедительным аргументом для посрамления оппонентов и противников этой тематики.

Заинтригованный Жора так заслушался, что даже есть перестал.

– Для меня, Олег Васильевич, все эти названия – китайская грамота. Я понятия не имею, что за ними скрывается. Единственное, про что я слышал, и даже кино смотрел – это Филадельфийский эксперимент.

– А, эсминец «Элдридж»... Темное дело, судя по всему

⁶ Монтаукский проект – проект Монток (англ. Montauk) – предполагаемая серия секретных экспериментов правительства США в местечке Camp Hero близ города Монток, штат Нью-Йорк. Небольшим числом энтузиастов теории заговора было объявлено, что данный проект имеет своей целью создание психологического оружия, а также направлен на исследование свойств сверхсильных электромагнитных полей для перемещения во времени, телепортации и ментального создания объектов. Второе предположительное место проведения проекта – Montauk Air Force Station. Предположительно в 1960-х годах сюда было перевезено оборудование и начались исследования.

Моррис Кетчум Джессуп, заваривший эту кашу, был элементарным жуликом-энтузиастом. «Контора» выяснила, что эсминец DE-173, или иначе – «Элдридж» в сорок третьем году ни разу не заходил в Филадельфию, а в день проведения эксперимента вообще стоял на якоре в Нью-Йорке. Хотя что-то там такое было, нюхом чую, слишком много покойников в той истории. В одном ты прав – это один из кусочков той мозаики, которая постепенно складывалась в моей голове. Да ты лопай, лопай, повествование мое длинное, хоть я и постараюсь пока в общих, так сказать, чертах тебя ознакомить. Все эти проекты, как наши, так и американские, связаны либо с внеземными цивилизациями, либо с необъяснимыми явлениями, либо с параллельными пространствами или иными реальностями. Подробнее позже можешь все узнать из разных документов, их у меня целый сейф, да не один...

Ну, в общем, этот кгбешный проект, куда пригласила меня «контора», получил кодовое наименование «Ромб». Правда, до этого я успел поработать по аналогичной тематике и в Академии наук, и в Министерстве обороны. Но именно Андропов, еще в бытность свою председателем КГБ, после беседы со мной и с несколькими другими консультантами в восемьдесят втором году организовал несколько лабораторий при медицинском управлении ХОЗУ КГБ. Такой могучей «крышей» и открывающимися в связи с этим возможностями я, естественно, не мог не соблазниться. Кстати, приблизительно тогда же и вояки стали сильно интере-

соваться чем-то подобным, правда, со своим уклоном. В восемьдесят девятом году, с подачи тогдашнего начальника Генштаба генерала Моисеева, очень живо интересовавшегося этой тематикой, была организована в/ч 10001. Командует там и поныне полковник Салов Алексей Алексеевич. Человек он неплохой, но по-моему – сильно увлекающийся. Мне кажется, что пользуясь этой увлеченностью его там в темную используют различного рода аферисты, воруя потихоньку бюджетные денежки. Официально же, помимо всего прочего, тамошние научные работники пытаются использовать экстрасенсов для получения удаленной информации по нахождению секретных объектов НАТО, подводных лодок, ударных авианосцев. Насколько это успешно сказать не могу, все достаточно сильно засекречено.

Я же заинтересовался другим. Много лет собирая и систематизируя факты так называемой "запретной археологии" я пришел к выводу – во многих необъяснимых явлениях есть какая-то закономерность. Вскоре меня, можно сказать – осенило. Все прекрасно объяснялось и укладывалось в научные рамки, если допустить, что имеются некие параллельные миры, и при наличии определенных условий между ними возможен переход или перемещение во времени. Практически все до сих пор необъяснимое прекрасно находило свое объяснение при условии, что этот артефакт или явление попало в наш мир из прошлого, будущего или вообще – из иного, параллельного мира. Примеров не счесть – и антикитер-

ский механизм, и различные артефакты, не соответствующие эпохам, найденные в земных слоях, датированных миллионами, а иной раз – десятками миллионов лет, и прочее, прочее, прочее. А самое главное – я составил карту так называемых «аномальных зон», в которых наблюдалась максимальная концентрация всего непонятного. Ты когда-нибудь слышал про «сеть Хартмана»?

– Нет... – Жора отрицательно покачал головой. – Я читал только про Эриха Хартманна, летчика времен Второй Мировой.

– Это не тот, – улыбнулся профессор, – «моего» Хартмана зовут Эрнст, и родился он в послевоенной Германии. Но это неважно, Хартман все равно ошибался, хотя направление исследований выбрал правильное. Можно даже сказать – в отдельных случаях он прав, но сейчас не об этом. Так вот, когда собранной и систематизированной информации набралось полный сейф, я понял, что «это ж-ж-ж» – как говорил Винни-Пух, неспроста.

Итак, теория, точнее ее предпосылки – были созданы. Дело оставалось за практикой, ибо, как известно, теория без практики мертва. Все свои умозаключения я и изложил Андропову, получил его полное, так сказать – благословение. И что гораздо важнее – финансирование и поддержку наверно самой на тот момент могущественной в СССР организации. Помимо поддержки я получил доступ и к материалам, собранным до меня. По своей наивности до той поры я пола-

гал, что именно мне пришла в голову мысль систематизировать все непонятное и необъяснимое. А оказалось, что «контора» довольно давно – еще с чекистских времен этим плотнo занимается. Фамилии Барченко или Блюмкина тебе ни о чем не говорят?

– Барченко точно нет, а Блюмкин, Блюмкин... – Жора наморщил лоб. – Это не тот эсер, что в немецкого посла стрелял?

– Ну, почти. То ли стрелял, то ли кидал бомбы его подельник Андреев, и то – дело там было темное, но это не тот эпизод его биографии, что представляет интерес в нашем случае. Гораздо интереснее оказалась его работа в середине и конце двадцатых годов в Тибете и Монголии. Он привез огромное количество уникальных документов, а его отчеты читаются как приключенческий роман... Многoму, честно говоря, верится с трудом. Яша, чего уж скрывать, был изрядным авантюристом. Приврать, дабы показать свою нужность, мог легко, да и различных гешефтов никогда не чурался. Это, в конце концов, его и сгубило.

– А как он закончил? – заинтересованно спросил Жора, – небось, в тридцать седьмом грохнули?

– Нет, до тридцать седьмого он не дотянул, его расстреляли в двадцать девятом. Обвинение, а точнее – предлог был очень весомым – торговля за валюту секретной информацией. Вернувшись из Тибета, он не придумал ничего умнее, чем продать часть документов немецкой разведке. С их ре-

зидентом он и ранее контактировал, но на это в те удивительные годы до поры смотрели сквозь пальцы. Немцы сразу поняли, краешек какой тайны оказался у них в руках, и, рассчитывая вытянуть из алчного еврейского юноши побольше, заплатили Блюмкину баснословную по тем временам сумму – два с половиной миллиона долларов. Про это узнали его руководители, и учитывая как масштабы, так и уровень секретности информации, доступ к которой получил этот не сильно сообразительный человек, быстренько его ликвидировали.

Профессор помолчал, прошелся по кухне, собираясь с мыслями, и продолжил: – Тем не менее, мест, где всякая чертовщина зашкаливала, на планете хватало. В том числе их было немало и в средней России. Начиная с не так далеко находящейся от твоей Иловли Медведицкой гряды, до Кольского полуострова. Это и Аксайские пещеры, и Самарская лука, Жигулевские горы, Молебка – словом, список огромен. Тем не менее, с первоначальной точкой исследований я вскоре определился – это был Мончаловский лес, расположенный отсюда совсем недалеко.

– Знаю я этот лес, – оживился Жора. – Много чего я про него слышал... Местные охотники рассказывали...

– Вот-вот – кивнул головой Олег Васильевич, – и у меня про эти места папочка набралась... В общем, «контора» оформила необходимое прикрытие, выделила достаточные ресурсы, и в восемьдесят пятом году здесь, в деревне Волж-

ское-Малахово, на берегу матушки-Волги и была построена эта база-лаборатория. Место тихое – и от Москвы не очень далеко, и до нужных нам мест рукой подать – все очень удобно. В общем – работа закипела, но первые результаты появились не сразу...

Профессор вновь замолчал, стоя у окна и глядя на противоположный берег Волги. Жора продолжал тем временем сочетать приятное с полезным – с удовольствием ел, стараясь делать это как можно тише – и с неменьшим удовольствием слушал профессора.

– Ты можешь спросить меня – а чего вдруг я тебе, в сущности, почти незнакомому человеку, выдаю, можно сказать – государственные тайны? – вдруг нарушил тишину Олег Васильевич.

Он повернулся к Жоре и пристально на него посмотрел, а Жоре чутье подсказало, что он должен проникнуться моментом. С легким сожалением он оторвался от вкуснейших грибочков, отложил вилку, и в свою очередь посмотрел на Пасечника – действительно, мол, а с чего вдруг такая легкомысленность?

Профессор оценил жертву, улыбнулся и сказал – Да ты ешь, не отвлекаясь, вопрос риторический. Я скорее сам себя спрашиваю... А ответ прост – до сих пор меня убивать не пытались, пытались только купить или запугать. Не то что я прям так уж испугался, скажу честно – найдется чем ответить, да и врасплох меня застать уже будет сложнее. Однако

бессмысленно погибать у меня желания нет, тем более, когда в исследованиях достигнуты ощутимые прорывы. Кадровый же голод у нас нынче весьма ощутим, людей, достойных доверия, очень сильно не хватает. Парадокс – деньги есть, а дать их некому...

После этих слов профессор как-то хитровато глянул на Жору. Чего он ждал? Жориного крика – да мне, мне их дай-те? Это вряд ли, имелся весьма очевидный факт – будь Жора рабом наличных, он бы лабал себе в кабаках, высокими материями голову не забивая. Но, тем не менее, Жора неопределенно хмыкнул и вновь спокойно принялся за еду.

Похоже, что профессора такое поведение Жоры вполне удовлетворило, и он продолжил – Теперь самое главное: мы сначала нашли места, где дырки во времени и пространстве открываются спонтанно, а потом, вычислив сопутствующие этому некоторые закономерности, научились открывать их по своему желанию. Поскольку, в этом случае понятия «время» и «пространство» частенько не совпадают, я взял на себя смелость назвать их «калитками». «Калитки во Вселенную», так сказать...

Вот тут Жора несколько оторопел... – То есть, вы хотите сказать...

– Да-да, с девяносто второго года я могу кое-где открывать эти «калитки» по своему желанию.

Глава 4

Это даже хорошо, что к этому моменту Жора уже успел наесться. Он совсем не был уверен, что после таких новостей аппетит у него не отшибло бы полностью.

– И куда вы научились открывать эти самые калитки?

– Что, зацепило? – улыбнулся профессор. Он перестал расхаживать по кухне, и взяв стул, оседлал его в знакомой уже Жоре позе кавалериста.

– Это, брат, не все. Куда – об этом позже. Черт его знает, моя природная мнительность, или что другое – но я изначально, получив доступ к ресурсам КГБ, начал все максимально секретить даже от начальства. Идеальным решением оказалось делить проблемы на отдельные процессы, внешне друг с другом на первый взгляд вроде и не связанные. В итоге, объединяя данные, полученные в разных лабораториях, я добился, без ложной скромности, если не феноменальных, то очень впечатляющих результатов. В то же время, человек со стороны, получив доступ к отдельным фрагментам этих исследований вряд ли смог бы связать их между собой и получить из этой мозаики полноценную картину.

Конечно – долго так продолжаться не могло, рано или поздно руководство заинтересовалось бы моими художествами, но тут «повезло», – когда СССР начал разваливаться, КГБ тоже двинулся в небытие. После ареста путчиста

Крючкова со товарищи, Бакатин начал планомерное уничтожение «конторы», поставив окончательную точку в декабре девяносто первого года с помощью печально известного сто двадцать четвертого закона. Ну и до моих внутриаппаратных интриг уже никому дела не было. Как говорится – война все спишет.

Олег Васильевич с грустью покачал головой. – Ей богу, уж лучше бы меня на «ковер» вызвали и за интриги пропесочили, а Союз с «конторой» были бы в целости и сохранности. Ну да ладно – сейчас не об этом.

Профессор встал, прошелся, глотнул остывшего чая из своей чашки, и вновь усевшись на стул, продолжил: – Однако, я почувствовал, что запахло жареным задолго до всех этих печальных событий – и начал действовать. Благодаря не совсем бескорыстной помощи некоторых товарищей я смог перевести на себя многие активы, в частности эту лабораторию со всем оборудованием и техникой.

Профессор невесело улыбнулся. – Как там у Визбора? "Все на продажу понеслось, и что продать, увы, нашлось..." ... Вот и в «конторе» нашлись гнилые кадры, и к моему немалому огорчению – достаточно много. Еле-еле я успел спасти часть материалов, но кое-что новоявленные коммерсанты в синих погонах успели загнать бывшим потенциальным противникам, а нынче – торговым партнерам, елки-палки... Да еще и за смешные деньги. Я как узнал про расценки, чуть не заплакал, ей-богу... Лучше бы мне пред-

ложили – я в разы больше заплатил бы...

– А что, ценная информация утекла? – осторожно спросил Жора.

– Да нет, слава богу. До моих тематик этим «коммерсантам» вообще добраться не удалось – я вовремя предпринял необходимые действия, но кое-какую косвенную информацию все же за «бугор» загнали. В основном на продажу пошло все собранное на полигоне Красный Кут. Там еще в пятьдесят пятом году был создан специальный архив неопознанных явлений – много чего в этих подвалах интересного набралось, в основном связанное с НЛО. В закрытом городке «Березовка-2» был построен специальный бункер, где и хранились все материалы и вещдоки.

– Я правильно понял, что в электричке была эта самая спецура от забугорных "коммерсантов"?

Пасечник почесал в затылке. – Судя по экипировке – да. Я практически уверен, что да.

– И каким же образом вам удалось справиться со «спецами»? Да еще и отобрать оружие. Не в обиду будь сказано, но ваш возраст...

– А вот это я прямо сейчас продемонстрирую, тебе этими штуками тоже надо будет овладевать. Я смотрю – ты уже наелся. Пошли-ка, дружок, посудой Наташка потом займется.

С этими словами профессор двинулся прочь из кухни, заинтригованный Жора двинулся следом.

Войдя в комнату, соседнюю с кухонным эркером, он по-

дошел к железному шкафу-сейфу, стоявшему у стены. Профессор отпер его, не сразу найдя на большой связке нужный ключ. Пока Пасечник ковырялся с сейфом, Жора огляделся. Размерами комната была один в один с соседней – той, что пока отвели для Жориного постоя и лечения. Но если та являлась, несомненно, кабинетом, то здесь все говорило о том, что используется она как спальня. В углу у двери стоял платяной шкаф, далее разложенная тахта, небрежно застеленная пушистым, коричневым в «клетку» пледом, из-под которого кое-где белело постельное белье. У противоположной стены, неподалеку от сейфа, разместился журнальный столик, на котором по соседству с небольшим видеоплеером стоял телевизор. Там же, на столике, стопкой возвышались видеокассеты, как было ясно из их обложек – с отечественными фильмами. Некоторые Жоре удалось разглядеть, это были классические – "Белое солнце...", "Бриллиантовая рука...", "Иван Васильевич...". Напротив двери находилось окно не только с привычной тюлевой занавеской, но и с плотными шторами. Сейчас шторы были раздвинуты и через сеточку тюля в комнату беспрепятственно лился дневной свет.

– Так-с, начинаем эксперимент... Сядь вот сюда, на стул...

Профессор поставил стул посреди комнаты и Жора послушно на него сел.

Далее, как тогда в электричке, Олег Васильевич проглотил какие-то таблетки и запил их из уже знакомого контей-

нера-фляги. Потом он встал напротив Жоры, этак хитро на него поглядывая. Так он постоял некоторое время, Жора терпеливо ждал.

– Вы хоть намекните, чего ожидать-то? – первым не выдержал Жора.

Профессор поднял палец к губам, призывая к молчанию и... исчез. По комнате будто дунуло ветерком.

– Ни фиги себе, – привстал со стула Жора, сел было обратно – и свалился на пол, стула под ним не было! Жора вскочил на ноги, обернулся – стул уже стоял чуть поодаль, и на нем сидел хитро улыбающийся Пасечник. В ту же секунду он опять исчез – по комнате снова дунул ветерок. Жора сделал шаг к стулу, в это момент кто-то похлопал его по плечу, Жора опять обернулся – сзади стоял профессор со своей улыбочкой, которая уже начала Жору раздражать.

– Профессор, я уже впечатлен по самое не могу! Пора начинать разоблачение магии!

– ПООГООДИИ НЕМНООГО – голос профессора был странен до невозможности – СЕЕЙЧААС ЭТОО КООНЧИТСЯ...

По лицу Олега Василевича прошла некая волна, словно спазм лицевых мышц прокатился ото лба к шее, он сел на диван.

– Уф, ну вот, приблизительно таким образом я их и вырубил одного за другим. Это заняло буквально три-четыре секунды, они и понять ничего не успели. Дубинка телескопи-

ческая у меня всегда под рукой – так что... Добить бы их похорошему надо было, но не смог я лежачих... Рука не поднялась, только обыскал быстренько – и всё. Потом я взвалил тебя себе на загривок, благо электричка уже причаливала к платформе Волоколамска, а машину я всегда паркую там неподалеку. Ну и быстро-быстро домой, кровь с тебя хлестала прилично, Натаха потом все застирывала – и твое, и мое, извозился я знатно.

– Меня – на загривок?! Профессор, я без малости сто кило вешу!

– У меня разная фармакология имеется, друг мой Георгий... В том числе и неплохо прибавляющая сил. За это, конечно, потом некая расплата наступает, но вполне терпимая.

– А вот сейчас, это – что такое было?

– Это? Ну, вкратце... Ты наверняка знаешь, что человек это электрохимическая система, довольно сложная, надо сказать. Например, почему у одного хорошая, как говорят – быстрая реакция, а у другого нет? А все дело в нервной системе и скорости передачи по ней нервных импульсов. Вот и представь, что будет, если эту скорость увеличить раз в двадцать... Конечно, чтобы себе не навредить необходима тренировка, говорить в таком состоянии, опять же, непросто. Попробуй запись своего голоса ускорить в двадцать раз – что услышишь? Говорить, чтобы тебя поняли, нужно ну очень медленно, получается далеко не сразу и все равно звучит чудно. А то, что я для твоего восприятия как бы исче-

зал, так это я просто очень быстро двигался, вот и все. Надо отметить, что обычно достаточно ускориться раза в три-четыре, этого вполне достаточно, чтобы получить абсолютное преимущество в любом конфликте.

Вообще, на это эффект я случайно в свое время наткнулся. Изучая все любопытное, я отыскал материалы о исследовании нескольких летных происшествий. Там пилоты, словно сговорившись, дружно описывали, что в момент действий, которые они вынуждены были предпринимать для спасения машины и собственной жизни, время как бы замедлялось – и довольно сильно. Потом специально проводили хронометраж того, что было сделано тем или иным летчиком, и выходили на цифры от полутора до трех минут, которых у них просто не было. А пилоты укладывались от пятнадцати до двадцати пяти секунд! Поскольку управлять течением времени пока невозможно, я и сделал вывод, что летчики, скорее всего – волевым усилием просто ускоряли прохождение своих нервных импульсов. Остальное было делом техники и многочисленных экспериментов. Зато, кроме ускорителя времени, мы попутно освоили, правда кратковременное, увеличение физической силы. Ты наверняка слышал, как в экстремальных условиях люди прыгали на огромную высоту, поднимали невероятные тяжести – ну и так далее... Потом научились обострять наши другие чувства – помнишь, как в мультике: "...а нюх как у собаки, и глаз, как у орла"? В общем, хоть и ненадолго, научились ста-

новиться суперменами. Правда, плата за это – вход рубль, выход – три. То есть, чем сильнее доза, тем больше период реабилитации потом, резервы и возможности организма, увы, небесконечны.

– Впечатляет, честное слово. А что еще есть в вашем арсенале? – сказать, что Жора был заинтересован, это не сказать ничего.

– Да есть еще кое-что, у тебя еще будет время со всем познакомиться. Давай-ка, я буду вводить тебя в наши дела постепенно, шаг за шагом.

Во-первых, надо решить первоочередные вопросы – сегодня это тетушка и твоя работа. Кстати, среди твоих документов я водительских «прав» не увидел... Не обзавелся?

– Есть «права», дома лежат за ненадобностью, успел перед армией получить через ДОСААФ. Правда, категория только «С» – грузовики.

– Но легковой-то сможешь управлять?

– Да конечно, без проблем. Мне и категорию «В» открыть – только вождение сдать. Фигня делов...

В этот момент где-то хлопнула дверь, и раздался девичий голос – Дед, ау! Я вернулась!

– О, Наталья... За кормом выезжала, с охраной теперь приходится ездить, целая экспедиция, елки-палки.

Профессор открыл дверь в комнату и отозвался – Натаха, мы здесь!

По коридору простучали каблучки и в комнату вошла

давешняя девушка. Она испытующе взглянула на Жору – Ого, уже ходим... Ну, герой, как самочувствие? Выглядишь неплохо...

– Нормально, как ни странно после такой плюхи. Правда, если резко двинуться, то голова изрядно кружиться начинает, а так, вроде и ничего... – пожал плечами Жора.

– Дай-ка гляну... – Наталья достала из кармана и разорвала пакетик с антисептической салфеткой, тщательно протерла руки, Жора покорно склонил голову. Он почувствовал, как пальцы девушки пробежались по шраму.

– Дед, лишний раз убеждаюсь, что твоя шаманская фармакология способна творить чудеса.

– Наташка, перестань ерундить – шаманского там ничего нет, на все имеются строго научные объяснения.

– Да уж, научные – фыркнула девушка. – Живая вода, мертвая вода... Прямо "В гостях у сказки"!

– Но, однако, тебя наверняка радует перспектива достаточно долго оставаться в двадцатипятилетнем возрасте – хитро прищурился профессор. – Или нет?

– Прямо по больным местам, – покачала головой Наталья. – А сам?

– Ну ладно, ладно... – примиряющее поднял руки Пасечник. – Пришла пора нашего в недавнем прошлом гостя, а теперь и соратника, вводить в курс дела. Я уже начал помаленьку, теперь очередь Кадо, давай-ка пригласи его к нам.

– Одну минутку, я его только-только встретила – девушка

упорхнула.

– Кадо – это кто? – заинтересовался Жора.

– О, брат... Кадо – это, можно сказать – первый зам по режиму, главный охранник территории. Передвигаться внутри периметра без его разрешения не получится, так что вам надо обязательно познакомиться.

Тут из коридора раздался Натальин голос – Дед, он не хочет в дом идти...

– О как, – поднял палец вверх профессор – вот что значит – воспитание, порода! Нельзя, значит – нельзя... Видишь ли, в целях чистоты и гигиены мы с Кадо решили, что в дом ему заходить не стоит. Ну, придется нам идти к горе, раз гора к нам не идет.

Ничего не понимающий Жора пошел за профессором к выходу, сгорая от любопытства – что это за неведомый Кадо. Хихикающая Наташа, добавляя интриги, шла следом. Коридор закончился дверью, за которой находилась застекленная терраса, заставленная немудреной дачной мебелью, там же находилась и лестница, ведущая на второй этаж. Треугольник, образованный этой лестницей, полом и стеной, был зашит толстыми досками, в которые посередине была врезана стальная дверь.

А еще на террасе стоял здоровенный пес, по экстерьеру и окрасу нечто среднее между сенбернаром и русской сторожевой. От этих пород, помимо окраса, собака отличалась еще и необычным размером – если не в два раза, то в пол-

тора точно она была крупнее самой крупной собаки, доселе виденной Жорой.

– Вот это да! Офигеть! – потрясенный Жора остолбенел и не смог сдержать эмоций. – Такого зверя я никогда не видел!

– Кадо, друг мой, позволь тебя познакомить с нашим новым сотрудником – его зовут Георгий Ларионцев, и поверь – он очень достойный человек.

Кадо выслушал этот спич профессора, сел и наклонил лобастую голову, внимательно глядя на Жору. И тот готов был поклясться, что собака поняла все, до последнего слова!

Пасечник с Наташей, стоя в стороне, казалось безмолвно наслаждались этой сценой.

– Уважаемый Кадо, – взял инициативу на себя Жора, – я очень люблю собак, а ваш внушительный внешний вид вызывает не просто уважение. Честное слово – вы уникальная собака, надеюсь, что мы подружимся!

Тут огромный пес встал, подошел к Жоре и лизнул его в руку. И, хотя это не очень принято среди знающих людей, удержаться Жора не смог – погладил громадную голову собаки.

– Потрясающе! – воскликнул профессор – Первый раз такое вижу, Кадо дал себя погладить незнакомому человеку! Вы с ним, видимо, просто родственные души, раз уж он так тебя встретил. Ну, теперь формальности окончены, осталось постепенно познакомить тебя с остальными членами нашего маленького гарнизона, но это немного позже. Пока давай-ка

оденемся и обуемся, потому что там, куда мы сейчас пойдем, весьма прохладно.

Глава 5

Когда, облачившись в прихожей в уличную одежду, Жора с Олегом Васильевичем снова вышли на террасу, Кадо с Натальей там уже не было. Профессор подошёл к стальной двери, что располагалась под лестницей на второй этаж, и отпер ее замысловатым ключом. За дверью находилась довольно крутая деревянная лестница, ведущая куда-то вниз, под дом. Щелкнул выключатель, и лестницу осветили лампочки под бетонным потолком.

– Вперед, мой друг, без страха и сомненья! – продекларировал профессор, и первым стал аккуратно спускаться по крутым ступенькам, Жоре ничего не оставалось, как последовать за ним. В конце лестницы оказалось довольно большое помещение, типичный погреб, достаточно ярко освещенный. Возле стен стояли стеллажи, заставленные ящиками и коробками с различной провизией в банках, пачках и пакетах, пара небольших деревянных бочек-кадушек с солениями, мешки, в которых явно была картошка. Пахло едой и овощами, в общем – обычный деревенский погреб, прохладный и сухой. От внешней бетонной стены фундамента наискосок тянулись направляющие полозья грузовой платформы, которая металлическим прямоугольником лежала на полу погреба. В углу под потолком виднелся характерный короб вентиляции с решетками для воздуха через равные про-

межутки. Пройдя по потолку вдоль всей стены, короб поворачивал вниз и уходил куда-то в пол.

– Однако у вас тут неплохие запасы на черный день, – заметил Жора.

– Ты еще нашего холодильника не видел – рядом с гаражом у нас имеется целая будка от грузовика с рефрижератором – минус 16 дает. Незаменимая вещь, если нужно сохранить достаточный запас мяса и прочих скоропортящихся продуктов, необходимых для прокорма нашего гарнизона. Надо отметить, – очень выручает в нынешнее непростое время. Ну и некоторые связи... – профессор нажал на стене кнопку, загудел электромотор, и платформа поползла вверх, к двустворчатым дверям грузового люка под потолком, но замерла, немного до него не доходя.

На том месте, где на полу ранее находилась платформа, оказался еще один двустворчатый люк.

Олег Васильевич, кряхтя, откинул его половинки, предварительно так же отперев взрезной замок. В проеме открытого люка показалась еще одна крутая лестница, размещенная между направляющих швеллеров грузовой платформы. Она вела в темную глубину еще одного погреба.

– Ну, пойдем в наши закрома – профессор опять первым осторожно стал спускаться по лестнице, вновь вначале включив свет. – Можно конечно и на платформе спуститься – сказал профессор – Но это не рекомендуется по ТБ. Уж лучше потихонечку – пешком, а на этой железяке пусть ящики и

прочие тяжести катаются.

Друг за другом они не спеша спустились вниз. Небольшая комнатка, скорее – тамбур, еще одна дверь, и на этот раз – стальная. Вентиляция, идущая сверху, под потолком уходила за стену с этой дверью. Олег Васильевич отпер очередную дверь и сделал приглашающий жест. – Сейчас ты опять будешь удивлен, это не в первый, и, уверяю – не в последний раз...

За дверью оказался неожиданно просторный тоннель с полукруглым сводом. Высота и ширина были около двух метров, а его стены и свод выложены обожженным красным кирпичом. Темноту подземелья разгоняли люминесцентные лампы дневного света. Длинные герметичные взрывозащитные плафоны с двумя лампами в каждом висели через равные промежутки под самым потолком, расходясь от дверного проема налево и направо яркими пятнами. Тоннель уходил в обе стороны метров на пятьдесят, и заканчивался перегородивающими проход стенами из вертикальных стальных двутавровых балок. По центру каждой такой стены имелась солидная овальная стальная дверь с круглым колесом запорной кремальеры. В кирпичных стенах тоннеля тоже были двери – и справа и слева через равные промежутки.

Профессор повернул направо, и пройдя несколько шагов остановился возле первой металлической двери. На этот раз ключ не понадобился, так как прямо на стене имелась панель с кнопками цифрового замка. Мертвенно-белый свет ламп

освещал по ходу тоннеля еще две таких же двери.

Набрав код, Пасечник с натугой повернул рукоятку замка и потянул дверь на себя. Уверенно зайдя в темноту помещения он щелкнул выключателем на стене, и с улыбкой повернулся к Жоре:

– Давай, Георгий, заходи. Здесь полным-полно игрушек для взрослых мальчиков.

Жора осторожно перешагнул высокий порог. Люминесцентные лампы, мерцая и пощелкивая нехотя разгорелись, и осветили стоящий вдоль стены длинный стол, покрытый оцинкованной жостью, и над ним, под потолком вездесущий короб вентиляции с ребристыми решетками для воздуха и шиберами заслонок. Шиберы были открыты.

На столе лежали различные составные части явно оружейной направленности – стволы, ложи, части затворов, пружины. На массивных крюках, вбитых в стену, висели на ремнях несколько винтовок и автоматов времен Второй мировой. На полу у стола стояли два ведра из красной пластмасы. В них мокли, судя по всему – в керосине, так же части от какого-то оружия. С одной стороны этого своеобразного верстака к стене была прикреплена вертикальная деревянная панель, вся завешенная различным слесарным инструментом. По правую руку, у внешней бетонной стены разместились наждак и сверлильный станок.

С противоположной стороны напротив верстака на полу стояли длинные зеленые армейские ящики, также запол-

ненные различным оружием. Жора узнал дырчатые кожухи автоматов ППШ и ППД, немецкий пулемет МГ и круглый «блин» дегтяревского пулеметного диска.

В другом ящике, так же внавал, лежало десятка три пи-столетов, с кобурами и без, и наши, и немецкие. Рядом стоя-ли три оцинкованных ведра, почти доверху заполненные раз-личными патронами.

– Господи, в ведрах-то почему? – подумал Жора, разгля-дев в подробностях эту картину.

Завершали интерьер три синих металлических шкафа, в которых обычно хранят спецовки работяги на заводах, и два винтовых табурета на разлапистых треногах. В комна-те, несмотря на наличие вентиляции, ощутимо пахло керо-сином и оружейным маслом.

– Если бы не ваш рассказ про «калитки» во времени, я бы решил, что вы музей Советской армии гробанули...

Жора, присев на корточки, вытащил из ящика наган, по-вертел в руках. – Будет чем встретить супостата, ещё бы раз-решение какое, на ношение хоть чего-нибудь из этого вели-колепия...

– Да разрешение-то можно сделать, но не на этот же анти-квариат – откликнулся профессор.

Он, присев рядом с Жорой, вытащил из того же ящика парабеллум, покачал в руке и с досадой бросил обратно.

– А даже легальный «макаров» в нынешней ситуации раз-добыть пока никак не получается. Некоторые связи, увы, по-

ка утрачены...

Жора тем временем выудил из другого ящика немецкий автомат МП, и подойдя к столу проворно его разобрал, глянул в ствол на свет лампы.

– Отличное состояние – цокнул языком...

– Ловко ты с ним управился – Олег Васильевич не скрывал восхищения – откуда навыки?

– Э, профессор, я же сталинградский пацан... Мы в Задонье все школьные годы шерстили, чего только не находили... А сколько всего отцы да мамки в Дон повыкидывали... У меня до сих пор такой же в надежном месте дома заныкан... Состояние, конечно, куда как хуже, по понятным причинам. А уж карабины-"маузеры" или «мосинки» у нас там у каждого казака припрятаны. Я уверен, что где-нибудь в станицах не то, что пушку – танк на ходу отыскать можно. Казаки – мужики хозяйственные. Однако, вот тут у меня возник вопрос, Олег Васильевич – откуда это подземное величие? Я имею в виду подземелье и комнаты, а не их содержимое... – Жора обвел рукой и комнату и дверь в тоннель.

– Хороший вопрос, – кивнул профессор. – Не согласишься – случайно наткнулись. Копали котлован под фундамент и погреб, ну и увидели подземный ход, кладку... Кто и когда построил – неизвестно. Взяли кирпич на анализ – оторопели. Кирпичику-то черти сколько лет... Пока, чтоб голову не забивать, официально списали на ошибку при датировке возраста, ну совсем некогда тогда было этим заниматься, да

и Аксайские пещеры еще хорошо помнились. Не слышал о них? Ну да, те события тогда тщательно засекретили... Потом расскажу – история долгая, но интересная. Поэтому – заделали до лучших времен оба конца тоннеля стенками из двутавра и надежными стальными дверями. Эта загадка еще ждет своего исследователя – с тоннелями по всей планете вообще история темная, я, говоря откровенно, просто не могу успеть везде...

– Олег Васильевич, честно говоря у меня такой сумбур в голове, и чего-то пошатывает...

– Ну, я и бестолковый – звонко хлопнул себя по лбу профессор – совсем забыл, что ты еле-еле оклемался. Вот что, – решительно продолжил он, – отправлю-ка я вас с Наташкой на наш курорт. Она поработает медиком, а заодно и проводником, поскольку не раз там бывала. Ну а ты под ее присмотром поправишь здоровье, тем более, что время относительно нашего там идет гораздо медленнее.

– Не понял ничего – чистосердечно признался Жора. – Понял только, что, видимо, это одна из тех самых "калиток".

– Правильно понял, это миленький островок в теплых морях – кивнул головой профессор. – Посему, быстренько подбери себе оружие, только как можно меньше по массе, пистолет какой-нибудь, патронов к нему, но не очень много. Дробовик с запасом пороха и прочего необходимого припаса там уже есть, да еще кое-какое барахло мы туда за несколько ходок ранее перетащили.

Дело в том, – продолжил Пасечник, – что мироздание видимо неким образом защищает свои законы и сложные сплавы металлов, если они превышают некий физический предел, перетащить через «калитку» практически невозможно. Причем, для белковых и органических систем эти ограничения не работают. Но для неживых объектов, увы, – они пока непреодолимы. Мы уже экспериментировали – не протаскать, к примеру, разом пулемет или танк – только небольшими частями. Суммарно, за раз, обычно около двух кило неорганики выходит переместить, то есть на танк времени уйдет немало.

Профессор улыбнулся – крайне, с нашей точки зрения, неудобно, хотя мироздание понять можно... А, к примеру, более-менее чистое золото, серебро, железо – пожалуйста. Или – музейную кольчугу, меч из прошлых времен – любой вес без проблем. Главное условие – соответствие времени изготовления со временем перемещения. Пусть раньше – но не позже. Есть и еще нюансы, но об этом потом. – Профессор приглашающее махнул рукой – выбирай, Жора. Там, за «калиткой», никто разрешения на ношение оружия у тебя требует...

Жора, преодолевая слабость, добросовестно начал осматривать содержимое ящиков, придирчиво оценивая оружие на вес и состояние. Автоматы, как немецкие так и советские он исключил сразу – их пятикиллограмовый вес напрочь отвергал возможность прохода с ними через «калит-

ку», по крайней мере – за раз. Да и зачем на острове автоматическое оружие. Он сразу забраковал несколько потерянные наган и ТТ, отложил в сторону и пару каких-то экзотических пистолетов, напоминавших браунинг, – еще не хватало с незнакомым оружием возиться... Может, парабеллум? Жора задумался, но пока тоже отложил немецкий пистолет в общую кучу отвергнутых образцов. И тут он возликовал, разглядев на дне ящика среди прочих оставшихся пистолетов знакомую деревянную кобуру-приклад легендарного маузера. Жора осторожно взял ее в руки, откинул крышку и извлек пистолет. Вроде как и не очень тяжелый, в принципе – идеальное экспедиционное оружие, пистолет-карабин. На кобуре желтела полированной латуны какая-то табличка. Жора присмотрелся к немецкому готическому шрифту и не без труда перевел – "Обер-лейтенанту Герхарду Ширлеру от стрелкового клуба города Гронау по результатам в соревнованиях стрелков. 1 место".

– Да где же вы, профессор, добыли такой раритет? – спросил Жора, любовно рассматривая оружие. – Я о нем с детства мечтал, после «Джильбарса» и "Белого солнца..." с "Неуловимыми мстителями"... Ба, да он еще и девятимиллиметровый, под парабеллумовский патрон... Армейская модель, не слишком часто встречается.

Для очистки совести и из чистого любопытства он еще немного покопался в ящиках с оружием, пощелкал курками разных образцов, но выбор уже был сделан. Жора решитель-

но убрал маузер в деревянную кобуру и, присев возле ведра с патронами, стал набирать себе парабеллумовские, складывая их в тряпку, взятую с верстака.

– Ну что же – маузер так маузер, хотя вес с патронами критический, на грани. Ну да ладно, авось протащим. К тому же, не хочу тебя заранее что называется – грузить, друг мой, но в тех местах, откуда сюда попал этот маузер, тебе скорее всего предстоит побывать. Хотя бы по той простой причине, что незадолго до твоего появления там пропал наш сотрудник и коллега. Давно никак не выходит обратно, – боюсь, что надо будет его выручать.

– А почему, собственно, уважаемый Олег Васильевич, – грузить? Да я, можно сказать, все последние годы ждал таких предложений... Но, к моему глубочайшему сожалению, – их не было...

С этими словами Жора свернул тряпку с патронами в узелок и задумчиво взвешивал его в руке, определяя вес.

– Ну, я в тебе и не сомневался, Георгий, собственно, поэтому и показал почти все наши главные секреты...

Пасечник прошелся по комнатке.

– До недавнего времени здесь, в «оружейке», командовал человек, неожиданно пропавший в одной из «калиток». Повторюсь, но своих надо выручать в любом случае, и тут я очень рассчитываю на твою помощь.

– Насчет меня вопросов нет, Олег Васильевич. Но поскольку я тоже, увы, не бессмертен, как насчет пополнения

вашего, как вы сказали – гарнизона надежными людьми?

– Да я только «за» обеими руками. Откровенно говоря, я и тут рассчитывал на тебя в этом смысле.

– Правильно рассчитывали, есть у меня такие люди...

Профессор согласно покивал головой. – Я очень на это надеялся, и рад, что не ошибся. Мой расчет оправдался – у хорошего человека не может не быть достойных друзей... Но давай вернемся к этому вопросу после твоего полного выздоровления. Отдохнешь, подлечишься, – и займемся решением наших проблем, согласно их приоритетам. Я думаю – недели, ну может быть дней десять тебе должно хватить.

– Нет – отрицательно замотал головой Жора, сразу скривившись от прострелившей голову боли – Даже неделя многовато, а десять дней – тем более. Надо с работой нормально расстаться, негоже людей подводить. Да и с теткой необходимо все проблемы решить, я же ей обещал...

– Тут можешь быть абсолютно спокоен. Во-первых, время тут и там течет с разной скоростью. Разница составляет приблизительно один к десяти, то есть – день здесь, десять дней там. Во-вторых, у милейшей Елены Станиславовны уже день как работают два человека по ее списку заданий. Дядьки местные, рукастые и непьющие, уже неоднократно пользовался их услугами. Извини, взял на себя смелость решения этой проблемы. Убедил я теткушку, что пока занят ты безмерно, а у фирмы, в которой ты в данный момент трудишься, есть возможность оказать ей всяческую помощь как рабочей

силой, так и материалами. Надеюсь, я не слишком много на себя взял, не посоветовавшись с тобой? – Пасечник вопросительно взглянул на Жору.

– Да что вы, Олег Васильевич, у меня нет никаких возражений. Одно дело – вчера от безделья у тетушки поработать, а другое дело сегодня... Тут куда как масштабнее задачи, чем теткин доски с гвоздями... Спасибо вам, что так своевременно все разрешили.

– Ну и ладушки... Запасся всем необходимым? Пошли, Наташку обрадуем, уж больно любит она те места, куда вам предстоит отправиться. Потом с остальным народом и прочими местными достопримечательностями немного познакомишься, да и отправимся на точку открывать «калитку», туда дорога неблизкая, чего время терять...

Глава 6

Пасечник с Жорой двинулись в обратный путь по лестницам, на этот раз вверх. Жора с маузером в кобуре, висящей через плечо и кульком с патронами в руке на этот раз шел впереди, а профессор двигался позади, с лязгом замыкая металлические двери за Жориной спиной. Поднявшись по последней лестнице на террасу Жора дождался, пока Олег Васильевич запрет последнюю дверь и спросил – а где вы меня хотите поселить? Занимать ваш кабинет как бы не совсем удобно, да и для проживания он не очень приспособлен.

– Очень уместное замечание, друг мой, уф... – Профессор несколько запыхался после преодоления последней лестницы. – Прямо сейчас и займемся обустройством твоего быта.

Они зашли в дом, и сняли верхнюю одежду и обувь в прихожей.

– Погоди-ка минуту – сказал профессор и скрылся за туалетной дверью. Было слышно, как что-то напевая он журчал водой в умывальнике, смывая с рук следы посещения подземелья. Жорины руки тоже были испачканы в машинном масле, которым неизвестный оружейник щедро полил патроны в ведре, но Жора не торопился их отмывать, поскольку ему не терпелось поковыряться с маузером, разобрать-собрать и смазать оружие.

– Уж наиграюсь, тогда и отмою руки – решил Жора. Вот

бы еще пострелять... Ну не может здесь не быть какого-никакого стрельбища!

Пасечник наконец закончил помывку и вышел в коридор – Ну, уважаемый Георгий, пойдем обустроиваться... Тебе туда не надо? – он мотнул головой в сторону открытой двери в ванную – Нет? Ну, как хочешь...

Он прошел по коридору мимо комнаты Натальи и открыл следующую по ходу дверь напротив своей спальни. Той самой, в которой, не так давно демонстрировал Жоре свои трюки.

– Заходи, вот здесь тебя пока и поселим. Это как раз гостевая комната. Тут в мирное, так сказать, время оставались на ночлег подгулявшие гости. Теперь с гостями повременим, а если и нарисуеться кто-то, найдем, где приютить – и он легонько подтолкнул Жору внутрь.

Жора вошел и осмотрелся. Интерьер почти совпадал с интерьером спальни профессора за исключением того, что вместо железного шкафа-сейфа здесь стоял комод с выдвижными ящиками, а платяной шкаф был не двух, а трехстворчатый. Да еще вместо журнального столика у стенки располагалось кресло, на вид очень даже удобное, а рядом на длинной стойке возвышался торшер. Телевизор и видеоплеер, по причине отсутствия журнального стола, стояли на комод, видеокассет не было видно вовсе. Диван был собран и накрыт синим шерстяным пледом. На стене, за которой находилась кухня, висели уступом три книжных полки, запол-

ненные разномастными книгами. Кроме торшера, над диваном на стене висел светильник-бра на две лампочки. Окно напротив дивана было занавешено плотными шторами и тюлевой занавеской, один в один, как в комнате Олега Васильевича.

– А что, уютненько... – Жора подошел к окну, отодвинул штору и посмотрел наружу. На улице потихоньку смеркалось, но все равно хорошо был виден небольшой дом, стоящий метрах в двадцати, с крыльцом прямо напротив Жоринаго окна. На ступеньках крыльца сидел дядька лет пятидесяти с гаком и курил, периодически окутываясь облаками табачного дыма. Окошко рядом с крыльцом и дядькой, светилося приветливым светом, а из трубы домика шел уютный дымок. Рядом со ступеньками крылечка эдакой кучей шерсти лежал Кадо.

В этот момент в коридоре хлопнула входная дверь и буквально через секунду раздался грохот. Профессор с Жорой дружно вздрогнули и посмотрели друг на друга.

– Дед, ау, – услышали они голос Натальи – вы где?

– Наташка! – рывкнул Олег Васильевич, – ты чем там гремишь?

– Дрова это – отозвалась девушка – на ночь печки хочу протопить, прохладно уже, морозит, а вас дров принести не допросишься...

– Почему это не допросишься? – возмутился было Жора, – а кто просил? Лично я – запросто. Топить печки мое

любимое занятие, а лучше – камин.

– Обожди, не суетись – придержал Жору профессор. – Тебе пока не стоит делать резких движений, и тем более – наклонов. Наташка и сама прекрасно с печками справится, это она так, кокетничает. Пару охапок дров ей принести не проблема. До сих пор, по крайней мере, носила. Присядь-ка, и я сяду, что-то умаялся...

Жора сел на диван, положил кобуру на уголок комода, заодно пристроив сверху узелок с патронами. Профессор сел в кресло, с удовольствием вытянул ноги и крикнул:

– Натаха, брось пока печки, успеешь протопить, зайди, разговор есть.

– Дед, ну погоди минуту, я уже одну почти разожгла, сейчас подойду...

В коридоре стукнула печная дверца и через несколько секунд в комнату вошла Наталья.

– Вот что, дева... Есть мнение, что принимая во внимание дефицит времени, стоит отправить тебя с нашим новым сотрудником товарищем Ларионцевым дней на десять в «санаторий». Твоя задача – за это время полностью поставить его на ноги.

– И-и-и... Ура! – запищала и запрыгала от восторга девушка – Молодец, дед! Я тоже об этом подумала, но не решалась предложить. С твоей фармакологией через десять дней он будет как новенький!

– Будет-будет... – проворчал профессор – кто бы сомне-

вался... Значит так – в ночь, пожалуй, не поедем. Но надо сегодня собрать и приготовить все, чтобы завтра с утра пораньше и рвануть. Ты, Наталья, как с печками закончишь, собери лекарства, свои шмотки необходимые. Ну, ты знаешь – какие. Жоре мы сейчас тоже что-нибудь подберем из наших запасов.

– Дед, тут дело в том, что я еще днем видела, как Михалыч машину на яму зачем-то загнал. Надо бы сходить, уточнить.

– Да на ходу, вроде, машинка-то была – озадачился профессор. – Ну да Михалыч – бурундук известный, любит всякой профилактикой заниматься, когда надо и не надо. Сейчас уточним... Пойдем, друг мой Жора, поговорим с Михалычем, заодно и потихоньку знакомиться с соратниками начнешь. Натаха! Ты там про ужин не забудь за суетой.

Девушка, уже из коридора, отозвалась – Будет вам ужин, куда я денусь...

Профессор неохотно встал с кресла и сказал – Пошли, глянем на машину, с Михалыча станется ее о пустом деле раскурочить.

Они прошли мимо Наташи, разжигающей вторую печку, снова оделись, и вышли через террасу на улицу. Сойдя с крылечка, профессор сразу повернул направо. Обойдя приличных размеров дровяник с аккуратной поленницей, он пошел по грунтовой утрамбованной дороге к строению, которое Жора недавно видел из окна и определил как гараж.

Жора же чуть замешкался рассматривая площадку, распо-

ложившуюся прямо напротив крыльца. На этом небольшом пятачке, очевидно выполнявшую роль автостоянки, расположились в ряд бордовый ВАЗ четвёртой модели, ижевский Москвич-«комби» песочного цвета, армейский УАЗ-«буханка» и два трактора – синий колесный трактор «Беларусь» с отвалом и ковшом экскаватора сзади, и кирпично-красный гусеничный бульдозер ДТ-75. Вся техника стояла капотами в сторону дома-сторожки, на крыльце которого Жора десять минут назад из окошка видел курившего дядьку. Сейчас на крыльце никого не было.

– Жора, где ты там? – позвал из-за угла террасы профессор.

– Иду, Олег Васильевич, иду – отозвался Жора, и быстрым шагом двинулся на его голос.

Профессор уже стоял на утопанной пожухлой траве перед гаражом, рядом с ним расположился Кадо. Жора прошел мимо стены дома с примыкавшим к ней двустворчатым грузовым люком, который он совсем недавно видел, но снизу, и подошел к Пасечнику. Тот стоял перед настежь открытыми крайними воротами гаража, двое других ворот были закрыты. Внутри, в полумраке, на смотровой яме стояла «шишига» – столь нежно любимая в армии машина ГАЗ-66 армейского темно-зеленого цвета в исполнении «кунг», то есть – будка. Кабина машины была откинута вперед, открывая доступ к двигателю и прочим агрегатам. Над мотором висела лампа-переноска, заливая его ярким светом, остальное по-

мещение гаража скрывалось в темноте. В воздухе витал набор специфических гаражных запахов – выхлопных газов, бензина и масла. Рядом с машиной стоял давешний дядька, но теперь в синем рабочем халате, и тщательно вытирал руки ветошью.

– Вот, Михалыч, познакомься – профессор махнул рукой в сторону подходившего Жоры. – Наш новый сотрудник, Георгий Ларионцев, теперь будет с нами работать. А это, Жора, – наш добрый гений-самоделкин Алексей Михайлович Щербаков – понизив голос, профессор добавил – все может... Абсолютно.

– Ну, все – не все, но многое – сказал Щербаков, протягивая Жоре для рукопожатия добросовестно вытертую руку. – Добро пожаловать, Георгий.

– Да можно просто – Жора, – сказал в ответ Ларионцев, принимая крепкое рукопожатие.

– Ну, а я – просто Михалыч, или дядя Леша – как больше нравится...

– Отлично, вот и познакомились, – Пасечника явно томило нетерпение. – Так что там с нашим лайнером, дядя Леша? Вроде все в порядке было, а тут смотрю – ты его починять надумал? А мы вот завтра собрались на выезд, грешным делом...

– Да в порядке машина, Олег Васильевич. Свечка одна барахла, так я ее заменил, пять минут делов. Ну и так, заодно – масло проверил, коробку, раздатку... Шприцанул, где

надо, то се... Но уже все закончил, через пять минут отгоню машинку на стоянку.

– Оба бака полные? – спросил профессор.

– Как положено – оба.

– Ну, добро́, тогда завтра с утра трогаемся. Так что, Михалыч, заканчивай тут все и отдыхай. Мы с Георгием и Наташкой соберем, что надо с собой, перекусим, и тоже – на боковую, завтра ранний подъём для всех участников, включая тебя.

Между тем на улице уже изрядно потемнело. По углам домов и строений вспыхнули светильники-прожектора. Такие же прожектора загорелись по периметру всего участка, заливая ярким светом двор, и спираль колючей проволоки, изви- вающейся сверху бетонных заборных плит.

Профессор и Жора неторопливо пошли обратно в дом, и когда они уже поднимались по ступенькам на крыльцо, «ши-шига» с зеленой будкой негромко порывивая мотором, медленно прокатилась мимо них. Машина свернула на пяточок стоянки и аккуратно подав задним ходом замерла в общем ряду стоящей техники.

– Ну вот и ладушки – сказал Олег Васильевич – пошли, Жора, ужинать.

Дом был наполнен вкусными запахами, с кухни доноси-лась негромкая музыка. Наталья, услышав что Олег Василе-вич с Жорой вернулись и раздеваются в коридоре, крикнула – Мужчины! Руки мыть и к столу, пока все не остыло!

– Сей момент, хозяйюшка! – отозвался профессор – и подтолкнул Жору в сторону ванной: – ты иди, я недавно уже посещал сей храм гигиены, и еще не успел испачкаться...

Жора послушно отправился отмываться, решив, что до маузера дело все равно сегодня не дойдет.

Не без труда отмыв руки от оружейной смазки, он отправился на кухню и увидел, что Олег Васильевич уже сидит за столом, заставленным всякой снедью. Обнаружился и источник приятной музыки – в углу, на проигрывателе медленно крутилась черная грампластинка.

– Садись, садись, не стесняйся – нетерпеливо сказал профессор, показывая на стул рядом. – Ты-то не так давно перекусил, а я, признаться, только чуть-чуть покусочничал в течение дня...

– Вот вечно ты так, дед – укоризненно заметила Наталья – допрыгаешься с таким режимом до язвы... И ведь еды полон холодильник, разогрел в микроволновке да поел, пять минут делов... Глаз да глаз за тобой нужен, как дите малое, ей-богу...

– Ну ладно, ладно, не бурчи. Вот с Жора нам поможет с кадрами – станет легче, не надо будет разрываться, чтобы быть в трех местах одновременно.

– Кадры – это хорошо, даже очень – оживилась девушка. – А то тут два с половиной человека, особо не разгуляешься, а хозяйство немаленькое, то одно дело, то другое...

– В самое ближайшее время решим вопрос – солидно ска-

зал Жора, накладывая себе в тарелку различной снеди. – Два человека точно есть, насчет остальных надо думать. Надежность кандидатур не должна вызывать ни малейших сомнений. Уж больно специфика ваших занятий... Как бы сказать-то... Напрягает, что ли. Не должны здесь недобро известные люди оказаться, рисковать нельзя.

– Это хорошо, что ты проникся – заметил профессор, оторвавшись от поглощения пищи. – А я, признаться, хотел провести с тобой на эту тему профилактическую беседу. Рад, что в этом нет необходимости – и он снова принялся за еду. – Но все равно, – продолжил он с набитым ртом – ты мне максимальную информацию на кандидатов дай, я по всем возможным каналам для начала их пробую, лишним не будет.

В этот момент, щелкнув, поднялся над пластинкой звуко-сниматель проигрывателя, и музыка, звучавшая тихим фоном, умолкла.

– Что за группа? – заинтересованно спросил Жора, – я прямо с порога обратил внимание.

– Мне тоже нравится. – Наталья встала, аккуратно сняла пластику с проигрывателя и убрала в конверт. – Это Джулиан Леннон, сын Джона, того, из «битлов». Дедовы друзья одно время меня баловали, привозили из-за границы. У меня тут неплохая фонотека подобралась, потом посмотришь – и она поставила конверт в общий ряд.

– Ну да, "...кто сказал, что надо бросить песню на войне? После боя сердце просит музыки вдвойне!" – процитировал

Пасечник известный фильм.

– "...От винта..." – поддержал шутку Жора, но не смог не отметить: ну, у нас-то, пока не война...

– Как знать, как знать... – задумчиво ответил профессор. – Может, и не война, но пластинки слушать время вряд ли найдется... По крайней мере – подолгу. Вот и сейчас – долг нас зовет снова в закрома лезть. Надо бы сразу все собрать, да разве сообразишь... Хорошая мысль, как говорится – приходит опосля... Вот что, Наталья, ты мне сообрази чайку с бадьянчиком в мою большую кружку. Пока он маленько остынет и настоится, я с Жорой подберу ему шмотки на завтра, и после выпью кружечку на сон грядущий. А ты, Георгий, как насчет чайка?

Жора еще раньше отметил, что на столе не было алкоголя, зато стоял здоровенный, литра на три, прозрачный кувшин с дивным клюквенным морсом. На это самый морс Жора и налегал в течение всего ужина и на чаепитие лично его как-то даже и не тянуло.

– Нет, спасибо – замотал он головой – Я лучше, чуть попозже, еще морсика...

– Что, оценил натурпродукт? – засмеялся профессор – Местная клюковка-то, тверская... Целую экспедицию за ней в заповедные места каждую осень устраиваем, уже который год. Стараемся до будущего урожая запастись, но хватает не всегда. Ну да ладно – морс, так морс, но для начала прогуляемся в закрома.

Он решительно встал и двинулся к выходу, Жора последовал за ним, а Наталья начала хлопотать у стола, собирая посуду.

Далее один в один повторился давешний поход в оружейку – со спуском по лестницам и поочередным отпиранием дверей. Отличие было лишь одно – после того, как они прошли в подземную галерею, Олег Васильевич прошел мимо двери «оружейки» и открыл точно таким же цифровым замком следующую стальную дверь. Помещение за ней оказалось раза в три-четыре больше, а в остальном – под потолком так же проходил короб вентиляции, и светили такие же яркие лампы. Однако содержимое комнаты было совершенно другим. Перпендикулярно стенам стояли аккуратно сколоченные из деревянных брусков перекладины-штанги, на которых висели рядами многочисленные вешалки с одеждой. Было видно, что одежду пытались более-менее выстроить по эпохам и временам. Первый ряд начинался рыцарскими доспехами, включая щит и длинный меч. Рыцарь в полной амуниции стоял безмолвным стражем прямо у самого порога. Далее на многочисленных вешалках висели костюмы, куртки и рубахи, разного вида, штаны и панталоны, мужские и женские.

Парча и бархат с богатой вышивкой и отделкой разной степени ветхости, золотое шитье и грубая домотканая ткань – все это висело рядом на соседних вешалках. В следующих рядах висели военные и штатские мундиры, гражданские ко-

стюмы и бальные платья последующего столетия, имелась и простонародная различная одежда. Несколько рядов занимали военные мундиры времен Второй мировой, – и наши, и немецкие. Висели как солдатские, так и офицерские комплекты. Советские в основном с петлицами, но были и более поздние – с погонами. На соседних вешалках Жора увидел даже несколько вариантов формы стран-союзниц.

Отдельно стояла обувь – мужская и женская, вся довольно сильно поношенная, но ее было немного. На полках, закрепленных на стенах выше вешалок, лежали и висели на крючках различные шапки, шляпы, шлемы, каски, фуражки и пилотки...

Напротив всего этого одежного великолепия у единственной свободной стены стоял длинный, добротный сколоченный деревянный стол, оббитый линолеумом. Под столом стояли несколько длинных зеленых армейских ящиков, в каждом были свалены различные виды оружия прошлых веков. Было его немного, но разнообразие поражало – от кинжалов, ножей, мечей, различного вида шпаг и сабель, до старинных пистолетов и мушкетеров.

В комнате отчетливо ощущался своеобразный, характерный для скопления одежды запах – тлена, нафталина, и еще черт знает чего...

Жора вытащил из общей кучи кинжал в черных ножнах, с орлом со свастикой и эсэсовскими рунами на рукоятке. Он вытянул кинжал из ножен – вдоль блестящего лезвия тя-

нулась надпись темным готическим шрифтом – Meine Ehre heisst Treue. Жора тщетно шевелил губами, пытаясь разобрать тяжелую для прочтения готику.

– Что, понравился ножик? – профессор, уже несколько минут откровенно наблюдал за Жориными эмоциями. – Там написано "Моя честь зовется верность" – эсэсовский девиз. Ну, как тебе наша костюмерная?

– Слов нет, Олег Васильевич, по крайней мере, цензурных. Я конечно догадываюсь – для чего это изобилие, но зачем столь богатый ассортимент? И откуда – Мосфильм обчистили?

– Видишь ли, Жора, тут такое дело... Мы, как правило, не знаем – куда откроется очередная «калитка». По крайней мере – первый раз. Поэтому, пока была такая возможность набирали все, до чего могли дотянуться. Тут нет ни одного новодела – только подлинники. Что-то сами притащили из вылазок, что-то удалось раздобыть из коллекций, антикварных салонов, театральных костюмерных, и ты абсолютно прав – даже с киностудий. Стоимость того, что тут имеется, а это только часть – в соседней комнате тоже всякого навалом, все сюда просто не влезло – составляет довольно круглую сумму, точно сразу и не назову. Одного оружия здесь на несколько сотен тысяч долларов.

Что же касается твоего вопроса «зачем?» – ответ простой. Изрядно намучавшись с первой «калиткой» мы довольно быстро поняли – какие-то законы не дают перемещать

через проход небелковую материю в определенных количествах. В неглиже – пожалуйста. Помнишь – Шварценеггер в «Терминаторе» голышом оказывался в прошлом? В наших реалиях эта железяка в виде человека через «калитку» не прошла бы никогда. По крайней мере – по имеющимся технологиям перехода, вполне допускаю, что есть другие...

Профессор на минуту задумался, видимо обдумывая – какие это могут быть другие...

– Так вот, методом проб и ошибок выяснили – если хочешь пронести через «калитку» максимально много снаряжения, то одежду лучше одевать наиболее древнюю, соответствующую той эпохе, куда попадешь. Обратно без проблем – тащи, сколько унесешь, чем мы вовсю и пользуемся.

– Э-э-э, Олег Васильевич, а как же всякие там временные парадоксы и эффекты? Я вот у Бредбери читал про раздавленную в мире динозавров бабочку – в результате получилась полная труба в будущем. И это все из-за изменений, вызванных таким мизерным вмешательством, а вы тут «стволы» охапками натащили...

Профессор с нескрываемым одобрением посмотрел на Жору.

– Молодец, соображаешь... Я, грешным делом, тоже вначале опасался – вдруг что будет... Потом понял – пространство-время настолько многовариантно, что количество вселенных и миров практически бесконечно. То есть, попав в прошлое, ты можешь запросто прихлопнуть своего дедушку,

родителей, а то и самого себя в детстве, если уж воспитание позволяет провести тебе столь изуверский эксперимент. Говоря конкретнее – в той ветке реальности, где ты столь изысканным способом нагадил, то персонально тебя, твоих родителей и всего того, что имелось в твоём варианте истории – просто не будет. Вот представь:

Пасечник поднял прижатые друг к другу свои ладони, переплетя пальцы.

– Предположим, это древо истории. На нем много-много, гораздо больше чем у меня пальцев, параллельных веточек-миров. Они растут рядом таким пучком, то переплетаясь, то разветвляясь, но с разной скоростью. И можно, используя определенные механизмы, перепрыгивать со своей ветки на другую ветку, но не на любую, а лишь на ту, на которую тебе позволит некий процесс, закон, которому подчиняется мироздание. Я думаю, это максимально близкая модель, или другими словами – визуализация строения временных потоков. Собственно, этого гипотетического строения мироздания мы пока и придерживаемся, другой достоверной модели на сегодня у нас нет. Ну что, более-менее понятно?

– В общих чертах – да, ничего сложного, – ответил Жора. – К тому же у меня в планах не было такие рискованные опыты с родственниками проводить. Но то, что с врагами церемониться не нужно, заметно облегчает жизнь.

– Да бог с тобой – улыбнулся профессор – я даже и не думал обижать персонально тебя такими черными мыслями

насчет судьбы родственников. Это я так, в полемическом задоре... И вообще, на ярких примерах все доходчивее воспринимается. Ну да ладно, давай-ка тебе что-нибудь полегче из одежды поберем, раз уж ты решил с собой маузер тащить. Или оставишь? – он с хитринкой посмотрел на Жору. – Может, лучше это? – и профессор достал из ящика пару кремневых пистолей ужасающего калибра. – По нашим подсчетам, там сейчас где-то семнадцатый век, эти пушки туда пронести – не проблема вовсе, можешь тогда и в камуфляже идти. Хотя в нем упаришься однозначно. Карибы, однако, жарко и влажно.

– Нет уж, с маузером не расстанусь, а раз жарко и влажно, тогда вот, это вполне подойдет – и Жора снял с одной из вешалок рубаху и штаны бело-серого цвета из грубой ткани, чуть нежнее парусины. Заодно он прихватил с полки нечто похожее на носовой платок, но огромного размера. Этакий квадрат из материи, где-то полметра на полметра.

– Отлично, – кивнул головой профессор. – Хотя в этом тоже будет жарковато, но лучше, чем в камуфляже. Вообще-то, вы в основном в купальных одеждах там ходить будете – пляж, море, и все такое. Кое-какой еды мы туда натащили, голодать не будете, но свежатинки все равно захочется. Так что пару раз на охоту сходить придется, а в плавках по джунглям ходить чревато. Так вот – свинки там дикие бегают – объедение... Если под возвращение удастся прихлопнуть поросенка, постарайся сюда притащить, но только накануне

отбытия, не ранее. Там хранить мясо негде, портится буквально за одну ночь, если сырым оставить. Теперь обувь, – у тебя какой размер?

– Сорок один с половиной, но я сорок второй обычно покупаю, а то и сорок третий...

– Отлично! Там есть как раз сорок третий, главное поаккуратнее дойти босиком до обуви.

– А что «там» еще есть, Олег Васильевич?

– Палатка отличная, тентовая, польская. Полотенца, еще что-то из одежды. Дробовик двенадцатого калибра, полуавтомат «браунинг» – пятизарядка, дробь свинцовой, картечи запас изрядный, порох и капсюли, десятка три-четыре латунных и бумажных гильз – перезаряжай-не хочу. Правда, гильзы желательно после стрельбы собирать. Что еще? Ну, ножей пара, топор, пила, лопата. Да, чуть не забыл, – труба подзорная, старинная, медная... Оптику у нее поменяли – была трех, а стала шестикратная. Из еды – мясо сублимированное, крупы различные – запаслись изрядно, благо органика проходит без проблем. Тем более что птицы и зверя там хватает – свежее мясо буквально под ногами бегают, все непуганые, даже неинтересно охотиться. Рыбалка, опять же... Я и говорю – курорт и санаторий, лечись только... Часть из необходимого Наташка пронесет, она в курсе всего, что там припасено и ведет учет. Так что, если чего не хватит – вини ее. Ну что? Двинулись обратно? Я уже немного притомился, надо успеть отдохнуть. Дорога хоть и не очень дальняя, но все

же...

Жора тоже чувствовал усталость и сильное желание прилечь – здоровье восстановилось не очень, и это давало себя знать. Поэтому он охотно пошел обратно, опять впереди Пасечника, держа в руках тук с одеждой и слушая, как лязгают за спиной запираемые железные двери. Он прилично опередил профессора и ему пришлось постоять на террасе минуту-другую в ожидании, пока тот преодолеет последнюю лестницу.

Жора смотрел в окно террасы, слушая как профессор звякает ключами в замке двери и вдруг краем глаза увидел, как по кромке освещенного участка у соседнего дома молнией мелькнула серая тень.

– Олег Васильевич! – встревожено начал Жора – тут, похоже, волк на территорию как-то пролез...

– Волк? – казалось профессор совершенно не встревожился. – Нет, уважаемый Георгий, это не волк, это гораздо опаснее – команда Кадо. Волк, ухитрись он пролезть под бетонным забором, а под ним, надо отметить – полтора метра бетонного фундамента – даже кроты к нам сюда не попадают, так вот, этот гипотетический волк проживет не более тридцати секунд. Кроме Кадо, который и один с волком справится шутя, на ночь мы выпускаем четырех хорошо подготовленных овчарок-немок. До рассвета они охраняют территорию никогда не лая по-пустому. Но если уж услышал рык или лай – смело выскакивай с маузером, эти звуки у собак

может вызвать только враг. Ну ладно, пока, слава богу, царит тишина, пойдем-ка спать. Умаялся что-то я, хлебну чайку – и на боковую. А ты, вроде, морсика хотел?

– Не... – отрицательно замотал головой Жора – Что-то расхотел, только спать...

Диван в Жориной комнате был уже разложен и застелен заботливой Натальей. Засыпая на ходу, Жора кое-как разделся и отключился, едва коснувшись подушки головой.

Глава 7

Не то что хотя бы увидеть хоть какой-то сон, а такое ощущение – Жоре вообще поспать не дали... Ему показалось – не успел он закрыть глаза, как его уже трясет за плечо Пасечник.

– Георгий – подъем! Вставай, вставай, у тебя еще будет время выспаться.

Жора еле-еле разлепил глаза – спать хотелось страшно, да и голова трещала немилосердно. За окном еще царила темнота, но в комнате, разгоняя сумрак, приглушенным светом горел торшер. Профессор стоял у дивана в бороде, беретке и прочем камуфляже, уже знакомом Жоре ранее, в руках он держал какой-то сверток.

Жора сел, свесив ноги с дивана, но даже это простое движение неожиданно вызвало всплеск острой боли в голове. От Олега Васильевича не укрылась мимолетная гримаса, скользнувшая по Жориному лицу.

– Что – голова? – участливо спросил он. – Но ты вчера так моментально отключился, что Натаха даже не успела тебе на сон грядущий некие медпроцедуры провести... Ничего, дело поправимое... – и незамедлительно крикнул – Наталья! Давай сюда, с сумкой...

Через минуту в комнату вошла Наташа в экспедиционном костюме цвета «хаки» с эмблемой министерства геологии на

плече. В руках у нее была зеленая сумка очень похожая на противогазную, но побольше размером.

– Доброе утро, Георгий! Ну, ты и отключаешься... Я, правда, войдя в твое положение вчера на процедурах особо не настаивала. Хотя велик был соблазн сделать тебе пару инъекций пока ты дрыхнешь. Думаю, что ты вряд ли бы что-нибудь почувствовал. Ну давай, подставляй телеса, сейчас полегчает...

Все это она тарыхтела, споро доставая из сумки пластиковую упаковку с разовыми шприцами и другие всякие разные медицинские приبلуды.

После укола и пары таблеток Жоре действительно стало легче...

Он кряхтя встал с дивана, Наталья с Олегом Васильевичем за ним внимательно наблюдали.

– Легче стало? – Пасечник похлопал Жору по плечу – одевайся вот в это, друг мой, до «точки» это твоя основная одежда...

Жора развернул тук, который передал ему Пасечник – это была новая, с иголки, зеленая роба, аналогичная той, что была на Наталье. «Костюм геологический легкий» – прочел он на бумажной бирке, прежде чем ее оторвать, в кармане куртки Жора обнаружил аккуратно сложенный капюшон.

– Да-да, дружок, мы теперь с тобой геологи – кивнул головой на невысказанный вопрос профессор – по всем документам мы передвижная геофизическая лаборатория, при-

выкай. Ну давай, одевайся, перекусим, да и поедем.

Утренний чай с парой бутербродов много времени не занял и вскоре Жора вышел на улицу, у крыльца уже бурчала двигателем давешняя «шишига». На ее дверцах также красовались белые эмблемы Министерства геологии СССР, а возле будки хлопотал Михалыч. Как и все, он был экипирован в геологический костюм.

У «шишиги», в пространстве между кунгом и кабиной, рядом с «запаской» торчала длиннющая антенна радиостанции, закрепленная на специальном кронштейне.

– Ну давай, лезь пассажиром – сказал профессор Жоре, и Михалычу – ты пока давай в будку, сначала я сам поведу, надо с Жорой поболтать. Кстати, Жора, отдай Михалычу свою мортиру, он ее припрячет до поры... – и полез на водительское место.

Наталья привычно запорхнула в будку «шишиги» через боковую дверку, а Михалыч, повесив через плечо кобуру с Жориным маузером пошел к воротам, собираясь выпустить машину наружу.

Жора послушно залез в кабину на пассажирское место и «газончик», порывивая мотором, потихоньку покатился в сторону ворот. До самой незримой границы территории их бдительно сопровождал Кадо, труся рядом с медленно ползущей машиной, его серых «теней» видно не было.

Олег Васильевич выехав за ворота на минуту остановился, дав возможность Михалычу закрыть ворота и залезть в

будку, потом газанул, и машина поползла по проселку в сторону шоссе, переваливаясь на колдобинах.

– Ну, поехали с орехами, – сказал профессор и придерживая руль одной рукой вытащил из кармана какой-то прибор с небольшим экраном. Он откинул у него толстенькую короткую антеннку, воткнул сбоку какой-то провод и пристроил прибор перед собой, чуть повыше приборной доски. Через минуту экран засветился синим светом, по нему сначала пробежал английский текст, потом появилось что-то вроде карты на которой кое-где были видны неразборчивые названия.

– Не встречал такую штуку? – спросил Пасечник, увидев заинтересованный взгляд Жоры – посмотри, только осторожно – провод.

Жора, перегнувшись через крышку капота, разделяющую водителя и пассажира «шишиги» взял приборчик, стараясь не потревожить питательный провод, уходящий в недра кабины куда-то под приборную доску.

На небольшом, чуть меньше сигаретной пачки черно-белом экранчике латиницей были написаны названия окрестных географических пунктов, отмеченных точками. Линиями разной толщины обозначались окрестные дороги и реки, само местоположение прибора отмечалось на экране в виде небольшой стрелки, а пройденный маршрут обозначался пунктирной линией. Жора минуту-другую заворожено следил, как на экранчике чертилась пунктиром пройденная ма-

шиной дорога, потом перевернул прибор, и увидел на обратной стороне надпись – Property of the US Army.

– У них в Америке не дай бог кто с такой надписью полиции попадетсЯ, а мы ничего, пользуемся... – сказал Олег Васильевич.

– Ну да – ухмыльнулся Жора, – кто же кроме америкосов до такой фишки ещё додумается...

– Пока – да, только они уже запустили орбитальную группировку для спутниковой навигации – кивнул Пасечник. – Мы только собираемся, да вот – когда еще соберемся... Этот прибор, если посчитать в денежном эквиваленте, дешевле было в золоте отлить – столько за него наша резидентура заплатила... Зато он позволит нам найти точку прибытия с точностью до полуметра. Шикарная штука, жаль только – не переносной, от батареек не работает, 12 вольт ему нужно.

«Газон» тем временем выбрался на асфальт и бодро покатиЛ по нему, натужно гудя мотором на подъемах. Профессор, покопавшись во всяком барахле на стеганом чехле капота, выудил не замеченный ранее Жорой микрофон на пружинно закрученном проводе и присоединил к рации, установленной по центру приборной доски. ЩелкнуЛ тумблером и табло загорелось оранжевыми цифрами индикации.

– И – ноль... – сказал он в микрофон.

– Ноль-ноль – раздалось в ответ из рации – Видим вас... Пять минут... Овер.

– Ну вот, прикрытие на месте – ответил профессор на во-

просительный взгляд Жоры. – Обходится недорого, а ехать спокойнее... Будут сопровождать нас сзади на расстоянии двух-трех километров почти до места. Потом отпустим их, ибо даже хорошим людям не надо знать – куда точно мы едем.

– А как они узнают – где мы? – спросил Жора.

– Вот с помощью этого прибора, – Олег Васильевич показал Жоре коробочку с антеннкой. – Это радиомаяк, а у них установлен пеленгатор. Для связи рация – Си-Би⁷ – у американцев такие у каждого дальнбойщика стоят. Установлена абсолютно законно – имеется разрешение от соответствующего ведомства.

– Ага, – кивнул Жора – я такие в кино видел...

– «Конвой» небось? – усмехнулся Олег Васильевич – как же, как же, Крис Кристофферсон, «Резиновый утенок»... Один из моих любимых фильмов, между прочим.

– Мой тоже. И он, и «Лихорадка на белой полосе» – ответил Жора. – А, кстати, куда едем-то?

– «Лихорадка...» не попадалась, надо будет посмотреть... – задумчиво сказал Пасечник, – а едем мы в Храбровский лес в Дмитровском районе – есть такое место, не слышал?

– Нет, первый раз...

⁷ Си-Би – сокращение от «гражданский диапазон» (англ. CB, Citizen's Band), принятое для обозначения безлицензионной, доступной всем гражданам радиосвязи на коротких волнах в диапазоне 27 МГц

– Вот и я чисто случайно узнал про некое аномальное место, не поленился проверить, и нашел там лазейку на остров в Карибском море, где-то век шестнадцатый – семнадцатый по косвенным данным... Подробнее пока не изучали, недостало было, используем как место отдыха, как ни странно это звучит.

– Я, честно говоря, уже начинаю привыкать – чистосердечно признался Жора. – Если позже вы мне расскажете, что, к примеру, за спичками, когда их не окажется под рукой, приходится смотаться куда-нибудь в шестьдесят первый год – я не особенно удивлюсь...

– О, как... – удовлетворенно крикнул Пасечник – лишний раз убеждаюсь, как я в тебе не ошибся... Ты попал в точку, друг мой, Георгий. Естественно – мотаемся, как ты выразился, но не за спичками. Спички – это ерунда, а вот финансирование мы нашему совместному предприятию вынуждены обеспечивать самостоятельно. Те крохи, что я в свое время успел отжать у «конторы» уже практически закончились, но денег с каждым днем нужно все больше и больше, а «весят» они все меньше.

Профессор вполне профессионально и привычно управлял машиной с не самым удобным, надо отметить, расположением рычага коробки передач. К тому что эта железяка где-то справа за спиной располагается надо было привыкнуть – Жора когда-то изрядно помучился. В кабине, за исключением ненавязчивого рокота двигателя под капотом,

было непривычно тихо. Жоре приходилось неоднократно в армейском прошлом ездить в «шишиге», правда в основном в кузове, но и в кабине тоже сживал. В его воспоминаниях это было жаркое, особенно летом, и весьма шумное место, а здесь – и тихо, и комфортно. Даже подвеска Жоре показалась необычно мягкой.

– А что за машинка у вас, Олег Васильевич, какой-то спецзаказ?

– Да нет, из специсполнения лишь тщательно экранированное зажигание, остальное – золотые руки Михалыча... Даже лебедку спереди вместо штатной какую-то хитрую приспособил. Можно сказать – непроходимых мест для нас нет. Ты не поверишь – однажды залезли в такие дебри, что воды в кабине почти по колено было, но – вылезли... Правда за рулем, естественно, Михалыч был, мы только трос лебедочный перецепляли.

Потихоньку светало, фары «шишиги» все хуже выхватывали из предрассветной мглы нюансы узкой асфальтовой дороги, где почти вплотную к обочине подступал смешанный еловый лес. Жизнь облегчало то, что машин, как встречных, так и попутных было на удивление мало, и «66»-ой постоянно светил дальним светом, переключаться на ближний приходилось редко. Один раз дорогу перемахнул заполошный здоровенный заяц-беляк, и дважды мелькнули рыжие шкуры лисиц. Профессор уверенно вел «шишигу», заранее включая «моргалки» перед очередным поворотом но Жора заметил,

что на редких перекрестках американский приборчик неизменно предлагал вариант маршрута, коему профессор всегда следовал.

После непродолжительного молчания Олег Васильевич продолжил:

– Если кратко охарактеризовать нашу, а теперь и твою, Жора, главную проблему – это как найти наиболее, я бы даже сказал – максимально быстрое решение вопроса – а чего мы, собственно, хотим получить от того, чем владеем, то есть – от этих самых «калиток»?

– Патруль – И – зашипев, неожиданно включилась в беседу рация, – проскочили поворот, потеряли контакт...

– Стоим. – тут же ответил профессор в микрофон, притирая «газончик» к обочине. – Вопросы?

– Вопросов нет, ошибку поняли, контакт восстановим ориентировочно через десять минут...

– Ждем – «овер»⁸

На приборной доске замигала зеленая лампочка. – В будке беспокоятся, зачем встали – усмехнулся профессор.

Он потянулся, расправив плечи, с треском вытянул «ручник», и не глуша двигатель легко выпрыгнул из кабины.

– Личный состав, разойтись, оправиться, девочки налево, мальчики направо – скомандовал он, постучав по зеленому боку будки – стоянка поезда пять минут.

⁸ «овер» – англоязычный термин, служащий для обозначения окончания разговора при радиосвязи.

Жору не покидало ощущение, что Пасечник вроде как вырвался на волю, и радуется, как пионер в походе.

Михалыч не спеша вылез из правой дверки будки, деловито обошел машину, пощупал ступицы, послушал рокоющий двигатель. Удовлетворенно кивнул и двинулся за ближайший кустик, Наташа предпочла из машины не выходить. Уже через минуту-другую Михалыч, кряхтя, залезал обратно в будку. Поскольку проехали всего ничего Жора, не испытывая естественных потребностей, просто стоял рядом с профессором и с удовольствием вдыхал чистый ноябрьский воздух Подмосковья.

– Видим вас... – радио было слышно даже снаружи, – готовы продолжать движение.

Экипаж – по машинам – вновь скомандовал профессор, хотя все, кроме Жоры, уже находились внутри.

– Так вот, – продолжил Пасечник, когда они с Жорой залезли в кабину. Профессор, включая передачу, скрежетнул коробкой и слегка поморщился от своей промашки – я прекрасно понимаю, что когда-нибудь до нас доберутся те или иные спецслужбы, поскольку такая тайна не может быть бесхозной достаточно долго. До сих пор мне удавалось навести «тень на плетень», да и российским властям пока не до тотального контроля за всем. Но возня америкосов вокруг нас долго без внимания не останется – найдется умная голова и сложит дважды два. Я, конечно, при развале «конторы» попытался подчистить хвосты от наших исследований, но все-

го не уберешь. Пока они при деле, и будут растаскивать по норкам наследство СССР – время есть, но, рано или поздно, на нас обязательно выйдут.

– А кто это «они» – спросил Жора – это кто-то конкретно?

– Да нет, – пожал плечами Олег Васильевич – у меня есть, конечно, пара-тройка фамилий, но персонификация здесь бессмысленна. Это такая обобщенная порода людей. Таких, которые хорошо знают – с какой стороны у бутерброда масло. Им наплевать на страну, на людей, ее населяющих. Они без малейших колебаний предают, если есть возможность заработать. С легкостью жертвуют чем и кем угодно, включая близких и друзей, если их драгоценной шкуре грозит опасность.

Но эта беспринципность одновременно и их слабое место – в случае чего, соратники сдают их так же легко. Да, – пока у нас время есть, правда, чутье мне подсказывает, что его очень и очень мало.

Профессор поджал губы и бросил быстрый взгляд на Жору.

– А время есть на что? – Жора понял, что Пасечник дошел до главного, ради чего уединился с ним в машине.

– Опять хороший вопрос – кивнул профессор. – Ты не перестаешь меня радовать, в корень зришь. Я не случайно спросил тебя про смысл жизни буквально при первой беседе, поскольку практически уверен в том, что Россия вступила в достаточно тяжелую пору своего существования, хуже,

наверно, только в войну было. Советский Союз распадается, а гибель империи это процесс лавинообразный, и весьма болезненный для населения. К тому же – для, так сказать – «мировой закулисы», – наступил очень удачный момент добить главного конкурента на мировое господство.

Видишь ли, Георгий, я уверен, что следующая, точнее – очередная война будет обязательно, и будет она за ресурсы, которых на планете не так много, включая обычную пресную воду. Ну а Россия слишком богата этими самыми ресурсами, чтобы ей позволили распоряжаться ими самостоятельно. Заявления такого рода стали слишком часто звучать в последнее время от персон самого разного уровня, а такого рода вбросы никогда не бывают случайными.

Профессор резко крутанул рулем, объезжая глубокую выбоину на дороге, и продолжил: – Вдобавок к внешним угрозам нельзя не заметить и то, что России хронически не везет на достойных лидеров. Сегодня, в такой критический для державы момент, нужны фигуры уровня Черчилля или Рузвельта, а у нас, как обычно, вылезают на первый план руководители, максимум которых – обком.

– А Ленин? – заметил Жора – тогда, в семнадцатом году, ведь тоже был критический момент, и тоже держава рушилась...

– Ну, ты даешь... – засмеялся Пасечник, – да Ленин и создал этот самый момент. Хотя, начал, конечно, полковник Романов – за что и заплатил безумно высокую цену. А су-

мрачный ленинский гений лишь позволил втиснуться в эту узкую щель, ведущую к власти. И, надо отметить, он великолепно использовал шанс, который ему великодушно предоставила история.

Смотри сам: первые декреты – о мире и о земле, дали возможность большевикам захватить власть с помощью популистских лозунгов, других вариантов у них не было, ибо большевиками они были только по названию. Благодаря этому трюку, сразу привлекаемому в их лагерь народные массы, Россия вышла из мировой войны за пять минут до победы Антанты, потеряв заслуженные лавры и преференции страны-победительницы, получив в награду гражданскую войну и интервенцию. Но взамен Ленин получил поддержку основной на тот момент вооруженной силы – «серой массы», пехоты, состоящей в основном из крестьян, а они тогда составляли более семидесяти процентов населения. Зато, пока толпа была не в курсе, Россия вынужденно потеряла огромные куски территории, в том числе, весьма возможно, и черноморские Проливы. Для создания необходимого большинства ленинцев в правительстве Украины ей были отданы громадные территории Малороссии – поверь мне, эта мина еще рванет, как и передача Крыма Хрущевым в пятидесятые. Абсолютно проигрышные в долгосрочной исторической перспективе Московский, Карский договора с Турцией... Потом была авантюра еще кровавей – добиваясь поддержки большинства, или для создания таковой, Ленин начал борьбу с кула-

ками и интеллигенцией, так как его не устраивали крепкие хозяйственники и прочие, адекватно мыслящие слои общества. Они ведь рано или поздно потребовали бы от властей отчета и политических прав. Ильич, с помощью тех или иных видов террора, убирал потенциальных конкурентов... Да и дальше, в погоне за сиюминутными интересами, перекраивая карту России, нагадил немало. Так что, ради тактического успеха и весьма краткосрочными выгодами напортачил в России господин Ульянов изрядно, давай не будем про ленинский гений...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.